

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальная регламентация залога как меры пресечения»

Обучающийся

Д.С. Евглевский

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность исследования залога как меры пресечения обусловлена необходимостью совершенствования института залога, правовой регламентации процессуального порядка избрания данной меры пресечения, а также важностью исследования причин недостаточной востребованности практики избрания залога в уголовном судопроизводстве.

Цель исследования – изучение понятия, особенностей и проблемных аспектов применения залога в системе мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи исследования:

- дать общую характеристику залога как меры пресечения;
- определить понятие и основания избрания залога как меры пресечения;
- проанализировать процессуальный порядок и проблемы избрания залога как меры пресечения.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Залог как мера пресечения: общетеоретический и сравнительно-правовой аспекты	6
1.1 Сущность и виды мер пресечения	6
1.2 Залог в системе мер пресечения	17
1.3 Генезис залога как меры пресечения.....	29
1.4 Залог как мера пресечения в правовых системах отдельных стран	35
Глава 2 Процессуальная регламентация залога как меры пресечения.....	49
2.1 Понятие залога и его содержание.....	49
2.2 Основания и условия применения залога как меры пресечения	54
Глава 3 Процессуальный регламентация применения залога как меры пресечения	61
3.1 Порядок избрания залога как меры пресечения	61
3.2 Процессуальная ответственность за нарушение правоограничений, налагаемых в рамках залога.....	69
3.3 Проблемные аспекты применения залога как меры пресечения и предложения по их решению.....	72
Заключение	86
Список используемой литературы и используемых источников	90

Введение

Актуальность темы исследования. В уголовно-процессуальном законодательстве важное место занимают признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Особенно отчетливо это выражается на этапе избрания меры процессуального принуждения подозреваемому (обвиняемому) в ходе предварительного расследования. Применение меры пресечения является сложным процессуальным решением в виду того, что здесь наиболее полно затрагиваются законные интересы, права и свободы человека и гражданина. Поэтому органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, необходимо тщательно подходить к обоснованию целесообразности выбора конкретного вида ограничений, закрепленных в УПК РФ [29].

Меры пресечения в уголовном процессе выступают необходимой мерой государственного принуждения, связанной с существенным ограничением прав личности. При этом, залог выступает в качестве одной из наиболее гуманных мер пресечения, имеющихся в арсенале правоприменительных органов, не связанных с ограничением свободы подозреваемого.

Актуальность исследования залога как меры пресечения обусловлена необходимостью совершенствования института залога, правовой регламентации процессуального порядка избрания данной меры пресечения, а также важностью исследования причин недостаточной востребованности практики избрания залога в уголовном судопроизводстве.

Целью исследования данной выпускной квалификационной работы является изучение понятия, особенностей и проблемных аспектов практики применения залога в системе мер пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи исследования:

- дать общую характеристику залога как меры пресечения;

- определить понятие и основания избрания залога как меры пресечения;
- проанализировать процессуальный порядок и проблемы избрания залога как меры пресечения.

Объект исследования – правоотношения, складывающиеся в связи с применением по уголовным делам залога в качестве меры пресечения.

Предмет исследования – правовые нормы, регламентирующие применение по уголовным делам залога в качестве меры пресечения залога, соответствующие положения науки уголовного процесса, а также судебная и правоприменительная практика в этой сфере.

Теоретической основой данного исследования являлись научные труды авторов, изучавших вопросы применения залога как меры пресечения, таких, как О.А. Беляева, В.А. Воронова, И.А. Клевцов, Е.Р. Шикова, О.В. Кононенко, Т.Л. Прохорова, П.Д. Семелькина, Н.А. Симагина, В.А. Стрижков, Б.Б. Тоглохинова, Е.В. Токарева, В.А. Турчин, В.А. Хомич, А.Н. Шелест и других авторов.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ [10], УПК РФ, ряда иных нормативных актов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический метод, а также сравнительно-правовой, формально-логический, и другие частно-научные методы исследования правовых явлений.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Залог как мера пресечения: общетеоретический и сравнительно-правовой аспекты

1.1 Сущность и виды мер пресечения

В процессе регулирования разнообразных общественных отношений должностные лица государственных органов вынуждены прибегать к различным механизмам, которые существенно повышают эффективность такого регулирования. Уголовно-процессуальные отношения не являются исключением из этого правила. В рамках реализации уголовного преследования следователь может применять определенные формы ограничительного воздействия на участников уголовного судопроизводства. Большинство этих мер используются на стадии досудебного производства и направлены преимущественно на подозреваемого или обвиняемого. В частности, к таким мерам относятся меры пресечения, которые играют ключевую роль в обеспечении надлежащего хода уголовного процесса.

Анализ научных исследований демонстрирует, что меры пресечения обладают строго ограничительным характером и применяются в целях регулирования общественных отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) этим мерам посвящена отдельная глава 13, систематизирующая их применение. Однако, несмотря на детальную регламентацию мер пресечения, включая их виды, основания, цели, условия избрания, процессуальный порядок и оформление, законодатель не счел необходимым закрепить их законодательное определение. Это создает определенные теоретические и практические сложности, поскольку отсутствие четкого понятийного аппарата может приводить к разночтениям в правоприменительной практике.

В теории права существует смежное понятие — меры государственного принуждения, структура которых включает меры предупреждения, меры

пресечения и меры ответственности. Однако в контексте уголовно-процессуальных отношений данная структура не может быть применена в полном объеме. УПК РФ предусматривает собственную систематизацию мер принуждения, закрепленную в разделе 4, который обозначен как «меры процессуального принуждения». Помимо мер пресечения, этот раздел включает такие элементы, как задержание подозреваемого, а также иные меры процессуального принуждения.

Следует отметить, что предложенная законодателем структура мер принуждения в уголовном процессе вызывает значительные дискуссии среди исследователей. Ряд ученых указывает на нецелесообразность выделения задержания в качестве самостоятельной меры принуждения [42, с. 385], тогда как другие исследователи предлагают пересмотреть перечень иных мер процессуального принуждения, распространив их действие не только на подозреваемого и обвиняемого, но и на других участников процесса, таких как свидетели, потерпевшие и эксперты [39, с. 55]. При этом авторы, занимающиеся изучением данной проблематики, подчеркивают, что «необходимо законодательное закрепление понятийного аппарата, включая понятие мер пресечения» [46, с. 186]. Таким образом, отсутствие единого подхода к определению и классификации мер процессуального принуждения свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

П.А. Лупинская и Л.А. Воскобитова определяют меры пресечения как «один из видов мер уголовно-процессуального принуждения, которые могут применяться уполномоченными должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, с целью наложения на подозреваемого (обвиняемого) ограничений отдельных прав, включая права на свободу, свободу передвижения, мер имущественного и другого характера для минимизации возможности скрыться от органов следствия и суда, повторного совершения преступлений, воздействия на иных участников уголовного судопроизводства» [28, с. 264].

Отдельные авторы, как например М.Г. Шевелев указывают, что «меры пресечения необходимо ассоциировать с процессуальными средствами, которые ограничивают личную свободу подозреваемого (обвиняемого) и применяются с целью предотвращения возможности процессуальных нарушений с его стороны» [42, с. 385]. Указанный подход к пониманию мер пресечения представляется не полным, так как не охватывает всех целей мер пресечения, которые предусматриваются положениями уголовно-процессуального законодательства РФ.

А.А. Цинболенко предлагает понимать под мерами пресечения «законодательно закрепленные средства, с помощью которых следователь, дознаватель, иные должностные лица органов расследования и суда обеспечивают должное поведение подозреваемого (обвиняемого), в том числе, связанное с необходимостью его явки в органы расследования, суд, а также для обеспечения исполнения приговора суда» [37, с. 188].

Для более детального и системного понимания института мер пресечения в рамках уголовно-процессуальных отношений необходимо обратиться к нормативным положениям, закрепленным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Ключевое значение в данном контексте имеет статья 97 УПК РФ, регламентирующая основания для избрания мер пресечения.

Указанная норма устанавливает, что правом применения мер пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого наделены строго определенные уполномоченные субъекты уголовного процесса, к числу которых относятся следователь, дознаватель и суд. При этом законодатель не только фиксирует круг должностных лиц, компетентных принимать соответствующие решения, но и определяет исчерпывающий перечень мер пресечения, допустимых к применению. Данный перечень содержится в статье 98 УПК РФ, которая выступает в качестве системообразующей нормы, дополняющей и конкретизирующей положения статьи 97.

Таким образом, анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том,

что законодатель предусмотрел детально регламентированный механизм применения мер пресечения, включающий как субъектный состав уполномоченных лиц, так и четкий перечень допустимых мер воздействия. Однако, несмотря на подобную регламентацию, отсутствие законодательного определения самого понятия «меры пресечения» создает определенные сложности в доктринальном осмыслении данного института и его практической реализации.

Так, «меры пресечения могут применяться в случаях, если у указанных должностных лиц есть основания полагать, что подозреваемый (обвиняемый) будет скрываться от следственных органов или суда, будет и дальше осуществлять преступную деятельность, а также угрожать участникам уголовного судопроизводства в целях осуществления воспрепятствования эффективному расследованию уголовного дела» [29].

Проведенный анализ нормативных положений позволяет констатировать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит законодательно закрепленного определения мер пресечения, ограничиваясь лишь указанием на цели их применения. Такой законодательный подход создает определенные доктринальные и правоприменительные сложности, поскольку отсутствие четкого понятийного аппарата может приводить к неоднозначному толкованию данного института в следственной и судебной практике.

Более того, при детальном рассмотрении регламентирующих норм обнаруживается использование законодателем ряда терминологических конструкций, требующих дополнительного научного осмысления и нормативного уточнения. В частности, это касается формулировки «при наличии достаточных оснований полагать», которая носит выраженно оценочный характер. Указанная правовая дефиниция, будучи существенным элементом оснований для избрания мер пресечения, не получает достаточной конкретизации в тексте закона, что создает предпосылки для субъективного усмотрения правоприменителей.

Отсутствие законодательно установленных критериев оценки «достаточности оснований» существенно осложняет процесс принятия процессуальных решений о применении мер пресечения, поскольку оставляет широкий простор для интерпретационной деятельности уполномоченных должностных лиц. Данная проблема требует дальнейшего научного исследования с целью выработки универсальных критериев оценки оснований для применения мер процессуального принуждения, которые могли бы быть закреплены либо в нормативных актах, либо в руководящих разъяснениях высших судебных инстанций.

Формирование доктринального понимания мер пресечения должно основываться на анализе их правовой природы, которая характеризуется ярко выраженным ограничительным характером. Сущностные характеристики данного института проявляются в том, что применение любой из предусмотренных главой 13 УПК РФ мер пресечения неизбежно влечет за собой существенное ограничение прав и свобод лица, в отношении которого они применяются. При этом важно подчеркнуть, что подобное ограничение носит легитимный характер, поскольку соответствует конституционным принципам. В частности, статья 55 Конституции РФ прямо предусматривает допустимость ограничения прав и свобод граждан в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Уголовно-процессуальные отношения, безусловно, подпадают под указанные конституционные основания, что находит свое отражение в системе мер процессуального принуждения, закрепленной в УПК РФ. При этом ограничительный характер мер пресечения в уголовном процессе имеет строго целевое назначение - обеспечение надлежащего поведения участников судопроизводства и создание условий для объективного расследования преступлений. Следует отметить, что аналогичные правовые институты, обладающие сходной ограничительной природой, присутствуют и в других

отраслях российского законодательства.

В системе административно-правового регулирования, в частности при производстве по делам об административных правонарушениях, также существуют меры пресечения и меры процессуального обеспечения, выполняющие схожие функции. Например, административное задержание, регламентированное главой 27 КоАП РФ, по своему ограничительному воздействию сопоставимо с заключением под стражу в уголовном процессе, поскольку в обоих случаях существенно ограничиваются такие фундаментальные права граждан, как право на свободу и личную неприкосновенность, а также свободу передвижения. Однако, несмотря на внешнее сходство, данные институты имеют различную правовую природу и применяются в рамках разных видов юридического процесса, что обусловлено различиями в степени общественной опасности противоправных деяний и соответствующих им процедурах правового реагирования.

Институт мер пресечения в системе уголовно-процессуального законодательства обладает исключительной значимостью, выполняет многофункциональную роль и является необходимым элементом обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Посредством данных процессуальных механизмов достигается реализация фундаментальных принципов уголовного процесса, включая принципы законности, состязательности сторон, обеспечения права на защиту, а также создаются необходимые условия для всестороннего, полного и объективного расследования преступлений. При этом особую важность приобретает обеспечительная функция мер пресечения, направленная на защиту прав и законных интересов потерпевших, что соответствует современной концепции сбалансированной защиты прав всех участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, учитывая выраженный ограничительный характер мер пресечения, затрагивающих конституционные права и свободы личности, требуется постоянное совершенствование процессуального порядка их

применения. Особую актуальность приобретает разработка четких критериев избрания конкретных мер пресечения, минимизирующих возможность субъективного усмотрения правоприменителей. В данном контексте показательным является установленный законодателем судебный порядок применения наиболее строгих мер пресечения, ограничивающих основные конституционные права граждан. Такая процессуальная конструкция демонстрирует стремление государства создать эффективные гарантии защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, обеспечивая при этом баланс между интересами правосудия, общества и личности. Подобный подход соответствует международным стандартам в области защиты прав человека и отражает прогрессивное развитие российского уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации содержит детально регламентированную систему мер пресечения, представленную в виде исчерпывающего перечня, закрепленного в статье 98 УПК РФ. Анализ указанной нормы позволяет констатировать, что законодатель предусмотрел восемь конкретных видов мер пресечения, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и условиями применения. В систематизированном виде данный перечень включает: подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу.

Структура представленного перечня отражает дифференцированный подход законодателя к регулированию мер процессуального принуждения, учитывающий особенности различных категорий участников уголовного судопроизводства. Так, наличие специализированных мер, таких как наблюдение командования воинской части или присмотр за несовершеннолетним, свидетельствует о стремлении законодателя адаптировать меры пресечения к специфическим характеристикам отдельных

групп субъектов. При этом степень ограничительного воздействия различных мер существенно варьируется - от относительно мягких форм ограничений (подписка о невыезде, запрет определенных действий) до существенных ограничений конституционных прав (домашний арест, заключение под стражу).

Особого внимания заслуживает тот факт, что каждая из предусмотренных мер пресечения направлена на ограничение конкретных прав и свобод личности. В частности, анализируемые меры могут затрагивать: право на свободу и личную неприкосновенность (заключение под стражу, домашний арест), свободу передвижения (подписка о невыезде), право на свободное распоряжение имуществом (залог), а также возможность осуществления профессиональной или иной деятельности (запрет определенных действий). Такая дифференциация позволяет правоприменителю выбирать меру пресечения, соразмерную тяжести предполагаемого преступления, личности подозреваемого (обвиняемого) и конкретным обстоятельствам уголовного дела.

В современной доктрине уголовного процесса значительное внимание уделяется исследованию классификационных критериев мер пресечения, среди которых особое теоретическое и практическое значение приобретает дифференциация по субъектному составу органов, уполномоченных на их применение. Проведенный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет выделить две основные группы мер пресечения, различающиеся по процедуре их избрания.

Первая группа включает меры пресечения, которые могут быть применены следователем или дознавателем в рамках их процессуальной самостоятельности без необходимости получения судебного решения. Ко второй группе относятся меры пресечения, избрание которых согласно требованиям статьи 108 УПК РФ возможно исключительно по судебному решению. Такое законодательное разграничение компетенции между органами предварительного расследования и судом отражает принцип

состязательности сторон и обеспечивает дополнительный контроль за законностью ограничения конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Проведенный анализ нормативных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих систему мер пресечения, позволяет констатировать существование дифференцированного подхода к порядку их избрания, основанного на принципе соразмерности ограничения конституционных прав личности. В рамках предоставленных законом полномочий следователь обладает компетенцией самостоятельно, без обращения в судебные органы, выносить постановления об избрании таких мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (статья 102 УПК РФ), личное поручительство (статья 103 УПК РФ), наблюдение командования воинской части (статья 104 УПК РФ), а также присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (статья 105 УПК РФ).

В отличие от указанных мер, более строгие меры процессуального принуждения, включая запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ), залог (статья 106 УПК РФ), домашний арест (статья 107 УПК РФ) и заключение под стражу (статья 108 УПК РФ), требуют обязательного судебного санкционирования, осуществляемого по ходатайству следователя в порядке, установленном главой 29 УПК РФ. Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве института судебного контроля за применением наиболее репрессивных мер пресечения выполняет важную гарантийную функцию, обеспечивая соблюдение принципов законности (статья 7 УПК РФ) и соразмерности (статья 6 УПК РФ) при ограничении конституционных прав граждан. Особое значение данный механизм приобретает в контексте применения заключения под стражу как меры пресечения, сопряженной с наиболее существенным ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ), что требует особо тщательной судебной проверки

обоснованности и необходимости подобного ограничения.

Предусмотренная законодателем система распределения компетенции между следственными и судебными органами при избрании мер пресечения отражает современные тенденции развития уголовного судопроизводства, направленные на оптимизацию баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности, что соответствует как международным стандартам в области прав человека, так и конституционным принципам российского правового государства.

Институт судебного санкционирования мер пресечения в уголовном судопроизводстве выполняет важную гарантирующую функцию, направленную на предотвращение случаев необоснованного ограничения прав и свобод личности. Судебный контроль за применением наиболее строгих мер процессуального принуждения создает эффективный механизм фильтрации, исключающий как прямое злоупотребление полномочиями со стороны органов предварительного расследования, так и принятие решений при отсутствии достаточных процессуальных оснований. В рамках реализации своих контрольных полномочий суд обладает правом отказать в удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя о применении конкретной меры пресечения, избрав альтернативную, менее строгую меру воздействия либо вообще отказав в применении меры процессуального принуждения, если представленные материалы не подтверждают ее необходимости.

В уголовно-процессуальной доктрине получила развитие классификация мер пресечения по критерию субъекта их применения, позволяющая выделить общие и специальные меры пресечения. Специальные меры пресечения характеризуются ограниченной сферой применения, обусловленной особенностями правового статуса отдельных категорий участников уголовного судопроизводства. К данной группе относятся меры, которые могут применяться исключительно в отношении специальных субъектов, таких как несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые

(присмотр за несовершеннолетним), а также военнослужащие (наблюдение командования воинской части). Подобная дифференциация отражает принцип индивидуализации мер процессуального принуждения и учитывает специфические характеристики отдельных групп участников уголовного процесса.

Как отмечают исследователи, «здесь необходимо вести речь о двух мерах пресечения – наблюдением командования воинской части и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. К общим же необходимо относить все оставшиеся в перечне меры пресечения, применение которых может быть адресовано к любому субъекту. В отдельных случаях законодатель закрепляет запрет на применение отдельных мер пресечения, к примеру, заключения под стражу, к отдельным субъектам, среди которых могут быть индивидуальные предприниматели, в случае совершения ими отдельных экономических преступлений, а также несовершеннолетние субъекты» [38, с. 18].

В научной литературе предлагаются и иные классификации мер пресечения: «в частности, меры пресечения разграничивают по срочности. Так, к срочным следует относить те меры, срок которых регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. В качестве примера указывается мера в виде заключения под стражу. К бессрочным необходимо относить такие меры, срок которых законодательством не регламентирован, а они действуют либо до отмены, либо на период уголовного судопроизводства» [28, с. 216].

М.Г. Шевелев предлагают «классифицировать меры пресечения по следующим критериям: в соответствии с кругом лиц: общие и специальные; по характеру ограничения прав личности: меры, связанные с лишением свободы, с ограничением свободы передвижения; с ограничением имущественных прав; с гарантией третьих лиц; в соответствии с целью применения: ограничительные; предупредительные; в соответствии со сроком их применения: меры с ограниченным сроком действия; без ограничения срока

действия; в соответствии с порядком их применение: по постановлению следователя, прокурора и суда; по постановлению суда, прокурора, следователя с согласия прокурора; меры, которые применяются исключительно по постановлению или постановлению суда; в соответствии с органами, имеющими право на применение мер меры: меры, применяемые следователем, прокурором, судьей» [42, с. 387].

Можно констатировать, что система мер пресечения позволяет суду индивидуализировать их применение с учетом тяжести и характера преступления. При этом, «в зависимости от круга лиц, в первом основании выделяются многофункциональные и специальные меры пресечения. Первые применяются в отношении любого подозреваемого или задержанного, если есть на то, соответствующие основания. Вторые могут избираться только в отношении лиц, которые обладают исключительными признаками (несовершеннолетние, лица, проходящие военную службу). Второе основание меры пресечения в зависимости от вида применяемого принуждения можно разделить на физическое принуждение и психологическое принуждение. К физически-принудительным мерам относятся: запрет на определенные действия; домашний арест; заключение под стражу. Все эти меры связаны с ограничением подозреваемого или обвиняемого на свободное передвижение, общение с определенным кругом лиц, выполнение ряда трудовой деятельности, а также они способствуют изолированию субъекта преступления от общества. Вторую группу мер пресечения, по данному основанию, можно выделить как психологическое принуждение, к ней относятся меры пресечения, указанные в ст. 98 УПК РФ, в том числе, залог» [42, с. 388].

1.2 Залог в системе мер пресечения

Залог входит в число мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ. Вместе с тем, как отмечают исследователи, «залог как мера имущественного характера существенно отличается от иных мер пресечения. Рассматривая

механизм действия залога как превентивной меры, можно констатировать, что его действие основано на экономическом воздействии сдерживающего характера. Это означает, что подозреваемый, обвиняемый придерживается должного поведения под страхом потери предмета залога, то есть, какого-либо материального блага» [38, с. 41].

В системе мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, каждая мера обладает уникальным правовым потенциалом и характеризуется особым механизмом превентивного воздействия на поведение подозреваемого или обвиняемого, что обуславливает их дифференциацию по степени интенсивности ограничения прав личности и способу обеспечения целей уголовного судопроизводства. Анализ юридической природы мер пресечения позволяет выявить как их индивидуальные характеристики, так и наличие определенных типологических сходств, что особенно наглядно проявляется в группе мер, основанных на институте поручительства. В частности, личное поручительство (ст. 103 УПК РФ) и его специализированные разновидности - наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ) - объединены общим механизмом воздействия, предполагающим возложение ответственности за поведение обвиняемого на третьих лиц, но различаются субъектным составом и особенностями реализации.

В системе мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, залог (ст. 106 УПК РФ) занимает особое положение, обладая уникальной правовой природой и механизмом воздействия. Данная мера пресечения характеризуется применением экономических методов регулирования поведения обвиняемого (подозреваемого), основанных на принципе имущественной ответственности как самого обвиняемого, так и третьих лиц, готовых внести денежные средства или иные ценности в качестве обеспечения.

Сравнительный анализ залога с другими мерами пресечения позволяет выявить его специфические черты, заключающиеся в использовании финансово-правовых инструментов воздействия, что создает дополнительный превентивный эффект. Экономическая составляющая данной меры пресечения проявляется в установлении материальной заинтересованности субъекта в надлежащем поведении, поскольку нарушение установленных ограничений влечет обращение залога в доход государства. При этом законодатель, формулируя положения статьи 106 УПК РФ, не предусмотрел специальных целей применения залога, ограничившись отсылкой к общим целям мер пресечения, закрепленным в части 1 статьи 97 УПК РФ.

К числу этих целей относятся: обеспечение явки подозреваемого или обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд; предупреждение возможности совершения новых преступлений; предотвращение попыток воспрепятствования производству по уголовному делу (уничтожения доказательств, воздействия на участников процесса и т.д.). Отсутствие специальных целей применения залога свидетельствует о том, что законодатель рассматривает его как полноценную меру пресечения, обладающую всеми характерными для данного института свойствами, но реализуемую через особый экономико-правовой механизм воздействия.

Историко-правовой анализ показывает, что полный перечень целей применения залога был закреплен в части 1 статьи 106 УПК РФ только после внесения изменений Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ [30], что отражает эволюцию законодательного подхода к регулированию данного института. Данная законодательная корректировка способствовала унификации целей применения всех мер пресечения и укреплению системности уголовно-процессуального регулирования, обеспечив более четкое соответствие между основаниями избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ) и конкретными видами мер процессуального принуждения. При этом сохранение особого механизма действия залога, основанного на экономических стимулах, подчеркивает его уникальную роль в системе мер

пресечения как инструмента, сочетающего обеспечительную функцию с элементами гражданско-правовой ответственности.

До этого такая цель, как предупреждение действий, препятствующих производству по уголовному делу, не указывалась, хотя, как справедливо отмечают исследователи, «именно эта цель максимально емкая и содержательная и включает в себя фактически любые действия, связанные с производством по уголовному делу, нежелательные для государства, включая неявку к следователю, дознавателю или в суд, так как такая неявка тоже создает нежелательные препятствия производству по уголовному делу» [26, с. 158].

Историко-правовой анализ нормативного регулирования залога как меры пресечения в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года позволяет выявить существенные особенности его правовой регламентации, отражающие специфику уголовно-процессуальной политики советского периода. Статья 99 УПК РСФСР содержала крайне лаконичное регулирование данного института, ограничиваясь минимальным набором процессуальных характеристик и установлением единственной целевой установки.

Законодатель того периода определил в качестве исключительной цели применения залога обеспечение явки обвиняемого или подозреваемого по вызовам должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (лица, производящего дознание, следователя, прокурора) или судебных органов. Подобная формулировка свидетельствует о преобладании узкоинструментального подхода к пониманию функционального назначения данной меры пресечения, что соответствовало общей направленности советской уголовно-процессуальной доктрины 1960-х годов, ориентированной преимущественно на обеспечение эффективности уголовного преследования.

Отсутствие в нормативной конструкции указания на иные цели применения залога (превенция новых преступлений, предотвращение воспрепятствования следствию) демонстрирует ограниченное восприятие его

потенциальных возможностей как меры процессуального принуждения. Такая регламентация отражала характерную для того периода тенденцию к упрощению процессуальных механизмов в уголовном судопроизводстве и минимизации гарантий прав личности при применении мер пресечения.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что подобная регламентация существенно отличалась от современного регулирования, закрепленного в статье 106 УПК РФ, где залог рассматривается как многофункциональный институт, направленный не только на обеспечение явки, но и на предотвращение потенциальных противоправных действий со стороны обвиняемого. Ограниченность целевых установок залога в УПК РСФСР 1960 года отражала превалирование публично-правовых начал в уголовном процессе советского периода, когда обеспечение явки рассматривалось как первостепенная задача мер пресечения, тогда как превентивная и обеспечительная функции оставались на втором плане.

Историко-правовое значение данной нормы заключается в том, что она закладывала основы для последующего развития института залога в российском уголовном процессе, демонстрируя эволюцию от упрощенной одномерной модели к более сложной и сбалансированной системе регулирования, учитывающей комплекс процессуальных целей и гарантий прав личности. При этом анализ редакции статьи 99 УПК РСФСР позволяет проследить генезис законодательного подхода к определению функционального назначения мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве.

По этому поводу в 1998 г., в период действия УПК РСФСР, высказались С.А. Шейфер и С.И. Вершинина: «Разве в отношении обвиняемого, за которого внесен залог и который, являясь по вызовам, допускает нарушение других условий меры пресечения, например, мешает установлению истины по уголовному делу или продолжает заниматься преступной деятельностью, нельзя применить более строгую меру пресечения? Положительный ответ очевиден. Это значит, что залог, при правильном его применении, несмотря на

узкое нормативное определение его целей, преследует фактически значительно более широкие цели» [43, с. 27].

Проведенный анализ законодательных изменений, внесенных Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ в часть 1 статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, позволяет констатировать их концептуальную обоснованность и системную согласованность с фундаментальными принципами современного уголовного судопроизводства. Указанная законодательная корректировка, расширившая перечень целей применения залога как меры пресечения, представляет собой логичное развитие правового регулирования данного института, направленное на устранение ранее существовавшего нормативного пробела и достижение полной гармонизации с общими целями избрания мер пресечения, закрепленными в части 1 статьи 97 УПК РФ.

Данная законодательная модернизация отражает поступательную эволюцию уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в направлении совершенствования системности правового регулирования мер процессуального принуждения. Внесенное дополнение обеспечило содержательное единство между специальными нормами, регламентирующими отдельные виды мер пресечения, и общими положениями УПК РФ, что соответствует принципу системности законодательства и требованиям юридической техники. Расширение целевого назначения залога до параметров, идентичных другим мерам пресечения, позволило создать единый концептуальный подход к пониманию функционального назначения мер процессуального принуждения в современном уголовном судопроизводстве России.

Примечательно, что данная реформа законодательства не только устранила формально-юридическое противоречие, но и усилила превентивный потенциал залога как меры пресечения, расширив сферу его процессуального воздействия. Это соответствует современным тенденциям развития уголовно-процессуального права, направленным на оптимизацию

баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности, что особенно актуально в контексте реализации принципа соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 6 УПК РФ, статья 55 Конституции РФ). Таким образом, анализируемое законодательное нововведение представляет собой пример осознанного и научно обоснованного совершенствования уголовно-процессуального законодательства, отвечающего как потребностям правоприменительной практики, так и требованиям развития демократических основ правового государства.

К аналогичному выводу приходит В.А. Воронова, считающая, что «с учетом внесенных изменений, расширивших цели залога, существенно укреплен правовой фундамент исследуемого института, что может являться одним из путей решения полноценного использования залога в качестве меры пресечения» [4, с. 325].

Проведенный сравнительно-правовой анализ института залога (ст. 106 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) как мер пресечения позволяет выявить существенные элементы их функционального и содержательного сходства, проявляющиеся в характере устанавливаемых правоограничений. Обе указанные меры пресечения, несмотря на различия в их правовой природе и механизме воздействия, предусматривают схожие по своей сущности ограничения правового статуса подозреваемого или обвиняемого, направленные на минимизацию возможностей воспрепятствования уголовному преследованию.

В частности, залог, как и запрет определенных действий, предполагает установление комплекса ограничений, касающихся свободы передвижения (явка по вызовам), свободы коммуникации (запрет контактов с определенными лицами) и иных аспектов поведения, способных повлиять на ход предварительного расследования. Более того, обе меры пресечения характеризуются сочетанием ограничительного и стимулирующего компонентов: если запрет определенных действий использует в качестве

сдерживающего фактора угрозу ужесточения меры пресечения, то залог дополняет этот механизм имущественной ответственностью.

Данное сходство правоограничительного потенциала объясняется их общей процессуальной целью - созданием оптимальных условий для производства по уголовному делу при минимально необходимом ограничении конституционных прав личности. Однако существенное отличие заключается в том, что залог вводит дополнительный экономический механизм обеспечения должного поведения, отсутствующий при применении запрета определенных действий. Это позволяет рассматривать залог как более сложную в конструктивном отношении меру пресечения, сочетающую элементы личного ограничения с имущественной ответственностью.

Как справедливо отмечает В.А. Хомич, «что касается сопоставления запрета определенных действий и залога, как менее и более строгой соответственно, то при определенных условиях соотношение этих двух мер пресечения по тяжести и суровости не очевидно. В соответствии с ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ суд при избрании меры пресечения в виде залога вправе возложить на подозреваемого (обвиняемого) обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Если в качестве меры пресечения избирается залог с возложением на подозреваемого (обвиняемого) запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, то в таком варианте залог со всей очевидностью является более строгой мерой пресечения по сравнению с запретом определенных действий, поскольку накладывает на лицо еще одну обязанность по предоставлению предмета залога. Более того, в зависимости от продолжительности периода времени, в течение которого будет запрещено покидать жилое помещение, залог по своей строгости может вполне составить конкуренцию и домашнему аресту» [36, с. 43].

Вместе с тем, «если залог избирается без установления каких-либо запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то залог никак не может считаться строже меры пресечения в виде запрета определенных действий, во

всяком случае, при возложении запрета выходить в указанные в судебном решении периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый (обвиняемый) проживает. В противном случае следует признать, что личная свобода гражданина, которая частично ограничивается при применении данного запрета, представляет меньшую ценность, чем имущество, являющееся предметом залога. Весомым аргументом в пользу вышесказанного является и тот факт, что ни период применения залога, ни период применения запретов, указанных в п. 2-6 ч. ст. 105.1 УПК РФ, а лишь период применения запрета выходить за пределы жилого помещения в соответствии с п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ засчитывается в общий срок содержания под стражей подозреваемого (обвиняемого)» [36, с. 44].

По мнению П.Д. Семелькиной, «если рассматривать иное сочетание запретов, возложение которых возможно при избрании мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий, то, по нашему мнению, разница между ними также не будет абсолютной. При этом разграничение мер пресечения по их тяжести имеет не только теоретическое значение, но практический смысл, поскольку суду при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения во всех случаях надлежит выяснить и объяснить, почему в отношении подозреваемого (обвиняемого) не может быть избрана иная, более мягкая мера пресечения. То есть, по принятой градации мер пресечения при заявлении ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий обсуждать вопрос о применении в отношении подозреваемого (обвиняемого) залога, домашнего ареста, заключения под стражу бессмысленно и незаконно. При заявлении ходатайства об избрании залога судья обязан рассмотреть также вопрос о возможности применения к лицу в качестве меры пресечения запрета определенных действий. Но в итоге, избирая, казалось бы, более мягкую меру пресечения, суд может возложить на подозреваемого (обвиняемого) запреты, ограничивающие его личную свободу в большей степени» [21, с. 258].

Проведенный анализ процессуальных особенностей избрания залога как меры пресечения позволяет выявить его существенное отличие от большинства других мер процессуального принуждения в части необходимости получения согласия правоограничиваемого лица. В соответствии с действующей процедурой, следователь перед возбуждением ходатайства об избрании залога обязан установить не только фактическое наличие у обвиняемого (подозреваемого) или иного лица ликвидного имущества, которое может выступать в качестве предмета залога, но и заручиться их добровольным согласием на передачу указанных денежных средств или имущества в обеспечение процессуальных обязательств. Данное требование обнаруживает концептуальное сходство с процедурой избрания такой специализированной меры пресечения, как наблюдение командования воинской части, применение которой также обусловлено получением согласия обвиняемого (подозреваемого), что прямо предусмотрено частью 2 статьи 104 УПК РФ.

Указанная процессуальная особенность представляет собой существенное отступление от общего принципа, закрепленного в системе мер пресечения, согласно которому ограничительные меры применяются независимо от волеизъявления обвиняемого (подозреваемого), поскольку их основной целью является именно превенция потенциально противоправного поведения с его стороны. Однако в случае с залогом такое исключение носит объективно обусловленный характер, вытекающий из самой природы данного института. Принудительное изъятие имущества для целей залога противоречило бы фундаментальным принципам гражданского оборота и конституционным гарантиям права собственности (статья 35 Конституции РФ). Более того, обязательность согласия при применении залога соответствует его экономической сущности как меры пресечения, основанной на добровольном принятии имущественных обязательств в обмен на меньший объем личных ограничений.

Этот аспект правового регулирования подчеркивает уникальный характер залога в системе мер пресечения, сочетающего элементы публично-правового принуждения с частноправовыми началами добровольного принятия обязательств. Подобная правовая конструкция отражает современную тенденцию к диверсификации мер процессуального принуждения и внедрению в уголовное судопроизводство механизмов, основанных на принципах добровольности и состязательности, что соответствует общим направлениям гуманизации уголовно-процессуального права. При этом сохраняется баланс между интересами правосудия и защитой прав личности, поскольку добровольность применения залога компенсируется строгими процессуальными гарантиями его исполнения и ответственностью за нарушение взятых обязательств.

Проведенный анализ правовой природы залога как меры пресечения позволяет утверждать, что данный институт занимает особое положение в системе мер процессуального принуждения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Залог представляет собой уникальный правовой феномен, механизм действия которого основан на экономико-правовых принципах, что кардинально отличает его от иных мер пресечения.

Сущностная характеристика залога как меры пресечения в уголовном процессе раскрывается через анализ его особой правовой природы, формирующей специфическое юридическое положение обвиняемого (подозреваемого). В процессе вступления в залоговые правоотношения указанный субъект добровольно принимает на себя обязательство соблюдать установленные ограничения, что порождает комплекс взаимосвязанных правовых последствий.

Особенность данного правового состояния заключается в сочетании добровольного характера принятия обязательств с потенциальной возможностью применения имущественной санкции в случае их нарушения. Санкционный механизм залога проявляется в возможности обращения

взыскания на заложенное имущество, что создает действенный экономический стимул для надлежащего поведения участника уголовного судопроизводства. При этом правовая природа залога как меры пресечения предполагает не только имущественную ответственность, но и сохранение всего комплекса ограничений, характерных для данного вида процессуального принуждения.

Специфика превентивного воздействия залога обусловлена его экономической природой, которая проявляется в использовании механизма имущественной ответственности как средства обеспечения надлежащего поведения. Психолого-правовые исследования подтверждают, что потенциальная угроза утраты материальных ценностей (включая денежные средства, драгоценности, ценные бумаги, допущенные к публичному обращению на территории Российской Федерации, а также объекты недвижимого имущества) обладает значительным сдерживающим потенциалом в современных социально-экономических условиях. Данный феномен объясняется тем, что в системе ценностных ориентаций современного человека материальные активы занимают существенное место, что делает экономические рычаги воздействия особенно эффективными в контексте обеспечения процессуального поведения.

Эмпирические данные правоприменительной практики свидетельствуют, что именно экономическая составляющая залога обеспечивает его реальную эффективность как меры пресечения, создавая весомую альтернативу таким репрессивным мерам, как заключение под стражу. При этом важно отметить, что эффективность залога как меры пресечения прямо коррелирует с адекватностью оценки предмета залога - его стоимость должна быть соразмерна тяжести предполагаемого преступления и имущественному положению обвиняемого (подозреваемого), что соответствует принципу пропорциональности ограничения прав, закрепленному в статье 55 Конституции Российской Федерации. Таким образом, залог как мера пресечения представляет собой сложный правовой

институт, сочетающий элементы частноправового и публично-правового регулирования, что делает его важным инструментом гуманизации уголовного судопроизводства и расширения возможностей для применения альтернативных мер пресечения.

1.3 Генезис залога как меры пресечения

Залог как мера пресечения имеет давние исторические корни в становлении судопроизводства нашей страны. В данной связи, для полного и всестороннего рассмотрения данной уголовно-процессуальной меры пресечения необходимо исследовать и проанализировать историю ее возникновения и развития в России.

Немаловажным является тот факт, что определенный прообраз современной системы мер пресечения как меры принуждения сформировался еще во времена Киевской Руси, а впоследствии система мер испытывала изменения и реформы в зависимости от законодательства тех государств, которые существовали на русских землях, вплоть до существующего сегодня уголовно-процессуального законодательства.

Основными этапами развития государственности считаются: общинный, княжеский, имперско-царский, современный, и на каждом из этих этапов меры приобретали новые формы и значения, также появлялись все новые меры пресечения.

Следует отметить, что в Русской Правде, первом на территории наших земель своде законодательных норм, приведена норма, где частное лицо могли арестовывать только для доставления ее в суд (к князю). Поэтому можно с большой вероятностью констатировать возникновение нового института, который включал меры пресечения во время досудебного следствия, в частности, арест, поскольку время явки на суд (к князю) было строго определено, при этом, взятие под стражу применяли лишь в случаях, когда обвиняемый в совершении преступления содержался в тюрьме, что было

скорее проявлением тирании князя, чем законной мерой пресечения.

Также во времена Русской правды уже были упоминания об отдельных схожих механизмах, как, например, поручительство.

Дальнейшее развитие института мер пресечения тесно связано с геополитической ситуацией, то есть с политикой захватов соседними государствами территории русских земель. В частности, население части русских земель, которая находилась в составе Княжества Литовского и Речи Посполитой, поделится на горожан, феодалов и крестьян, а потому уголовную процедуру и правосудие осуществляли в соответствии с законодательством того или иного государства.

В отношении анализируемой меры пресечения – залога, как отмечает А.Л. Хачатуров, «впервые залог получил свое нормативно-правовое закрепление в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г., в соответствии с которыми, обвиняемому избиралась такая мера, как имущественный залог с целью обеспечения его явки в органы уголовного судопроизводства. Залог избирался судебным следователем в денежном эквиваленте, размер которого определялся в соответствии с имущественным положением поручителя или залогодателя, а также строгостью наказания за совершенное обвиняемым преступление. При этом, размер залога не мог составлять менее суммы ущерба, причиненного преступлением» [35, с. 165].

Можно констатировать, что в данный период в законодательстве отсутствует четко установленная сумма залога, что связано с тем, что фиксированный размер залога не может адекватно учитывать разнообразные обстоятельства, в которых могут оказаться разные лица. Например, для лица, у которого нет достаточных финансовых ресурсов, даже небольшая сумма залога может оказаться непосильной ношей. В то же время, для гражданина, обладающего значительными активами, даже самая высокая сумма залога не сможет гарантировать его добросовестное поведение и соблюдение условий, связанных с этим залогом [3, с. 44]. Таким образом, отсутствие конкретного размера залога позволяет учитывать индивидуальные финансовые

возможности и поведенческие риски различных лиц, что делает систему более гибкой и адаптивной к реальным условиям.

По аналогии законодательства зарубежных стран в дореволюционной России в соответствии с иерархией мер процессуального принуждения, определяемой по степени тяжести, залог рассматривали после заключения под стражу и домашнего ареста.

Как отмечает А.Н. Шелест, «после Революции 1917 г., первоначально залог как мера пресечения был установлен в главе XII УПК РСФСР 1922 г., в ст. 156 – 159, которые детализировали механизм его применения. Согласно указанным нормам, залог представлял собой денежные средства или иное имущество, которое могло быть внесено в суд как обвиняемым, так и третьими лицами. Целью внесения залога было обеспечение явки обвиняемого к следователю или в суд. Определение суммы залога было прерогативой следователя. При этом учитывались различные факторы, такие как степень тяжести совершенного преступления, наличие достаточных доказательств, а также финансовое положение лица, предоставляющего залог (поручителя)» [44, с. 218].

Кроме того, следователь мог принимать во внимание и иные обстоятельства, касающиеся конкретного уголовного дела. После внесения залога следователь обязан был составить протокол, который подписывался залогодателем. Ему также предоставлялась копия этого документа, что подтверждало факт внесения залога. В случае, если обвиняемый уклонялся от явки к следователю или в суд, залог подлежал обращению в собственность государства, что служило дополнительным стимулом для соблюдения процессуальных норм. Таким образом, залог выполнял не только функцию обеспечения явки, но и способствовал поддержанию правопорядка в уголовном процессе.

В 1923 г. УПК РСФСР в части залога изменений не претерпел. Можно отметить, что достаточно широко залог применялся в 1922-1927 гг. Этот факт обуславливается благоприятными социальными и экономическими условиями

в период НЭПа. В последующем, начиная с 30-х годов XX века, статистика применения залога показала резкий спад. На обсуждение нередко выносился вопрос о нецелесообразности избрания данной меры пресечения, предлагалось исключить ее из уголовно-процессуального законодательства.

Вместе с тем, несмотря на различность во взглядах на данную меру пресечения, УПК РСФСР 1960 г. сохранил в себе залог, которому была отведена только ст. 99 УПК РСФСР. Она состояла из содержания статей предыдущих уголовно-процессуальных кодексов, лишь уточняя порядок обращения залога. По этому поводу выносилось определение суда в установленном законом порядке [9, с. 131].

После принятия УПК РСФСР 1961 г. залог сохранен, но подвергается острой критике со стороны ученых-процессуалистов и не находил широкого применения на практике.

Начиная с 1992 г., появилась тенденция увеличения количества применения залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Говоря о низком показателе применения залога, стоит сказать, что со стороны сотрудников правоохранительных органов имелась недооценка данной меры пресечения, так как, по их мнению, она не давала должных гарантий надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) и являлась достаточно сложной в процессуальном оформлении.

Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ в ст. 99 УПК РСФСР были внесены некоторые изменения: «в качестве залога могли выступать не только деньги, ценности или ценные бумаги, а еще и недвижимое имущество. Появилось законодательное закрепление суммы залога, которая не могла составлять менее ста минимальных размеров оплаты труда. Также учитывался и момент изменения меры пресечения. Так, в случае избрания заключения под стражу вместо залога, если данное обстоятельство не связано с ненадлежащим поведением подозреваемого (обвиняемого), то залог возвращался залогодателю» [34].

В дальнейшем, в действующем УПК РФ залог был закреплен в ст. 106

УПК РФ, в которой указывался порядок избрания данной меры пресечения, но не содержалось сведений об использовании недвижимого имущества в качестве залога, а также не указывался его минимальных размер в денежном размере. Вместе с этим, ряд других вопросов получил незначительное изменение. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ, «залог должен быть внесен на депозитный счет того органа, который избрал данную меру пресечения. Цель залога – обеспечение явки к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого (обвиняемого) и предупреждения совершения им новых преступлений» [29]. В ч. ч. 2-5 ст. 106 УПК РФ подробно рассмотрен порядок избрания и применения указанной меры пресечения, а также основания и порядок перехода залога в собственность государства или возвращения залогодателю.

Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ в рассматриваемую статью УПК РФ были внесены изменения «в части фиксирования суммы залога с поправкой на тяжесть совершенного преступления. За совершенное преступление небольшой тяжести и преступления средней тяжести залог должен составлять не менее 50000 рублей, а за тяжкое и особо тяжкое преступление сумма залога не может составлять менее 500000 рублей» [32].

С изменениями, внесенными Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ законодатель пытается «реанимировать» залог в качестве меры пресечения, сделать его более востребованным на практике. В ст. 106 УПК РФ была введена ч. 8.1 Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, содержащая «возможности наложения судом на подозреваемого (обвиняемого) запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ» [30]. Также, изменения в ст. 106 УПК РФ вносились Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ [31], Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ [33].

В настоящее время, залог как мера пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве не востребован должным образом в связи с несоответствием размера залога и совершенного преступления. Так, лица,

подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, в соответствии со ст. 106 УПК РФ должны внести сумму залога не менее 50000 рублей.

Достаточно часто данные категории преступлений совершаются лицами с низким социальным уровнем и материальным достатком, поэтому у них отсутствует возможность находиться на свободе под залогом.

Для лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении тяжких и особо тяжких преступлениях, минимальный размер залога в 500000 рублей предоставляет возможность скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда. Нередко преступления таких категорий могут совершаться лицами, занимающими высокое положение в организованных преступных группах и имеющими необходимым количеством денежных средств для залога.

Можно сформулировать общий вывод, что залог как мера пресечения в отечественном уголовном процессе появился достаточно давно, его законодательное закрепление происходит после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Залогом могло выступать движимое имущество, а сумма залога законодательно не закреплялась и определялась имущественным положением обвиняемого. При этом, размер залога не мог быть менее причиненного преступлением ущерба. В дальнейшем, залог не снискал широкой практики применения ни в советский, ни в постсоветский периоды, так как был недостаточно разработан и законодательно оформлен.

Со вступлением в законную силу УПК РФ залог нашел свое закрепление в ст. 106 УПК РФ, которая конкретизировала порядок его избрания и применения на практике. Однако в целом, суть залога как меры пресечения не изменилась.

1.4 Залог как мера пресечения в правовых системах отдельных стран

При изучении зарубежного опыта применения залога в качестве меры пресечения необходимо учитывать, что в различных моделях уголовного судопроизводства этот институт регулируется с учетом специфических особенностей правовых систем и традиций, которые формировались на протяжении долгого времени. Каждая правовая семья обладает уникальными чертами, которые оказывают влияние на подходы к созданию норм права и их применению на практике. Эти различия, в свою очередь, определяют правила и процедуры, касающиеся использования залога.

Таким образом, можно утверждать, что залог как мера пресечения не является универсальным инструментом, а представляет собой продукт, адаптированный к конкретным условиям и требованиям каждой правовой системы. Это подчеркивает важность глубокого анализа и понимания обстоятельств, в котором функционирует институт залога, а также тех факторов, которые влияют на его применение в различных странах.

В романо-германской правовой семье наиболее интересным представляется французский опыт применения залога.

Как отмечает Т.Л. Щерба, «после проведения судебной реформы 1970 г. во Франции залог стал одной из ключевых мер, применяемых для осуществления судебного контроля в уголовном процессе. Эта мера направлена на обеспечение соблюдения процессуальных обязательств обвиняемым и включает в себя различные ограничения, такие как запрет на выезд за пределы определенной территории, ограничение на управление транспортными средствами, а также возможность помещения обвиняемого в медицинское учреждение, если это необходимо. Согласно ст. 146 УПК Франции, залог может быть внесен в различных формах. Это могут быть наличные деньги, банковские билеты, подписанные чеки, а также ценные бумаги, которые были выпущены или гарантированы государством. Процесс

внесения залога осуществляется путем передачи соответствующих средств секретарю трибунала или суда, либо сборщику пошлин, что обеспечивает официальное оформление данной процедуры» [45, с. 221].

Во французской системе уголовного судопроизводства существует специализированный правовой механизм, регламентированный Уголовно-процессуальным кодексом Франции, который предусматривает возможность досрочного освобождения обвиняемого из мест предварительного заключения посредством внесения денежного залога. Данный институт, известный как «*contrôle judiciaire avec consignation*», представляет собой сложную двухкомпонентную систему финансовых гарантий, где общая сумма залога разделяется на две автономные части, каждая из которых выполняет строго определенную функцию в механизме обеспечения процессуальных обязательств освобожденного лица.

Первая часть залога, именуемая «*consignation de sûreté*», предназначена для обеспечения явки обвиняемого в судебные и следственные органы, а также соблюдения им иных процессуальных обязательств. Вторая составляющая, обозначаемая как «*consignation réparatrice*», выполняет компенсаторную функцию и направлена на гарантирование возможного возмещения ущерба потерпевшей стороне в случае установления вины подсудимого. Такая бинарная структура залогового механизма позволяет дифференцированно подходить к обеспечению различных аспектов уголовного процесса: с одной стороны, стимулируя надлежащее процессуальное поведение обвиняемого, а с другой - создавая материальные гарантии защиты имущественных интересов жертв преступления.

Правовая доктрина Франции рассматривает данный институт как важный элемент системы альтернативных мер пресечения, способствующий соблюдению баланса между необходимостью обеспечения интересов правосудия и защитой прав личности на свободу и презумпцию невиновности. Особенностью французской модели является то, что размер каждой части залога определяется судом индивидуально с учетом тяжести

инкриминируемого деяния, имущественного положения обвиняемого и других значимых обстоятельств, что соответствует принципу персонализации мер процессуального принуждения. Такой дифференцированный подход к структурированию залога значительно повышает его эффективность как меры пресечения, обеспечивая при этом соблюдение фундаментальных принципов соразмерности и индивидуализации в уголовном судопроизводстве.

Как отмечают исследователи, «что касается первой доли залога, то она подлежит возврату в случае, если обвиняемый добросовестно выполняет все свои процессуальные обязательства. Также возврат этой части возможен в ситуации, когда уголовное преследование прекращается или когда обвиняемый получает оправдательный приговор» [45, с. 222].

В Германии, «внесение обеспечения является одной из мер, достаточных для приостановления исполнения судебного постановления о заключении под стражу, т.е., как мы видим, данное обеспечение не является отдельной мерой пресечения. Причем его можно применить лишь в случае, если первоначально заключение под стражу было обосновано только потенциальной опасностью лица и других оснований не было (например, установлено, что обвиняемый скрывается, может уклониться от следствия, суда и т.д.). При этом судья по своему усмотрению определяет размер и вид обеспечения. Схожий институт обеспечения существует и в Австрии, но есть одно отличие, а именно – форму и размер закрепляет прокурор» [41, с. 230].

Н.А. Симагина отмечает, что «в уголовно-процессуальном законодательстве такой страны Европы, как Италия, не существует рассматриваемой меры пресечения, так как законодатель решил не дискриминировать в уголовном процессе малоимущие слои населения. В России же максимальный размер залога не упоминается по причине того, что объективно установить верхний предел в современном обществе представляется невозможным из-за расслоения общества. Соответственно, для избрания залога квалификация общественно опасного деяния имеет побочное

значение, ведь размер залога напрямую зависит от того, к какой группе деяний по степени тяжести будет отнесено преступление» [22, с. 20].

По мнению В.А. Вороновой, «европейская модель использования института залога в уголовном процессе выделяется стремлением найти баланс между интересами государства, которые реализуются в рамках уголовного судопроизводства, и правами лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Этот поиск компромисса особенно актуален в контексте материальных интересов, которые могут быть затронуты в ходе судебных разбирательств. Законодательные органы и правоприменители в таких условиях исходят из понимания того, что право на свободу является естественным правом каждого человека. Любое его ограничение должно быть оправдано необходимостью защиты фундаментальных интересов государства, а также обеспечением безопасности других граждан и общества в целом. Это понимание подчеркивает важность соблюдения прав человека в процессе уголовного судопроизводства. Согласно позиции Европейского суда по правам человека, ограничение свободы личности должно рассматриваться как исключительная мера. Это означает, что такие ограничения могут применяться только в тех случаях, когда другие, менее строгие меры процессуального принуждения не могут гарантировать достижение целей судопроизводства» [4, с. 325].

Что касается Великобритании, то там «институт мер пресечения нашел отражение в Законе о залоге 1976 г., а так залоговая система в данной стране зародилась в VII в. Отличительной особенностью данной страны является то, что меры пресечения применяются в процессе полицейского расследования, часто встречающимися являются приказ об обыске и об аресте. Приказ об аресте может быть инициирован судом или полицией, в случае если уполномоченным субъектом является суд, то данная мера пресечения будет носить долговременный характер, а если полиция – то кратковременный (задержание). Данные меры неразрывно связаны с залогом в случае оставления на свободе обвиняемого. Так, в вышеуказанном Законе

предусмотрено два варианта судебного решения о применении мер пресечения, а именно – заключение под стражу или отказ в помещении под стражу с освобождением под залог. Данное освобождение может быть двух видов, а именно – безусловное (без условий) и условное (например, условие являться в назначенный срок по вызовам в суд). В английской доктрине освобождение под залог в качестве альтернативы заключению под стражу имеет ряд пробелов, а именно – отсутствие отработанных методов своевременного получения сведений о лице, отпущенном под залог, а также временных общежитий для данных лиц» [41, с. 231].

В уголовно-процессуальном законодательстве США «институт залога представляет собой денежную сумму, которую обвиняемый или его законный представитель обязаны внести на депозит суда» [26, с. 159].

Решение о том, возможно ли освобождение обвиняемого под залог, а также о конкретной сумме, которая должна быть внесена, принимается судьей, который наделен законными полномочиями, позволяющими ему давать разрешение на арест, и, соответственно, именно он оценивает обстоятельства дела, финансовые возможности обвиняемого и другие факторы, влияющие на размер залога. Таким образом, процесс определения залога включает в себя не только финансовые аспекты, но и юридическую оценку, что подчеркивает его значимость в контексте уголовного правосудия в США.

Как отмечает Е.В. Токарева, «решение о применении залога в качестве меры уголовно-процессуального принуждения является исключительной прерогативой судьи определенного уровня, который, принимая это решение, должен определить:

- наличие запретов или ограничений на освобождение осуждаемого под залог;
- наличие или качество обстоятельств, характеризующих инкриминируемое осуждаемому деяние;
- количественные и качественные характеристики собранных по делу доказательств;

- наличие или отсутствие у обвиняемого семьи;
- род занятий и финансовые возможности освобождаемого;
- особенности его психофизиологического состояния;
- наличие судимостей и попыток уклонения от судебных разбирательств и т.п.» [26, с. 159].

Установление размера залога в уголовном процессе представляет собой сложную многофакторную процедуру, требующую комплексной оценки совокупности объективных и субъективных критериев, связанных с характером инкриминируемого деяния. В рамках данного процесса судебные органы осуществляют тщательный анализ квалифицирующих признаков состава преступления, включая степень его общественной опасности, способ совершения, размер причиненного ущерба, а также наличие отягчающих или смягчающих обстоятельств, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части уголовного кодекса. Параллельно с этим проводится оценка криминологических характеристик личности обвиняемого, учитывающая его социальные связи, предыдущую судимость, поведение в ходе предварительного расследования и другие параметры, позволяющие прогнозировать вероятность уклонения от правосудия или продолжения преступной деятельности.

Особое значение в данном контексте приобретает конституционно-правовое ограничение, закрепленное в VIII поправке к Конституции Соединенных Штатов Америки (1791 г.), которая содержит императивный запрет на установление «чрезмерных залогов» («excessive bail»). Данная норма, являющаяся частью Билля о правах, интерпретируется Верховным судом США через призму принципа соразмерности, требующего, чтобы размер залога соответствовал двум ключевым критериям: тяжести совершенного преступления и индивидуальным обстоятельствам конкретного обвиняемого. В судебной практике это выражается в применении теста «разумной определенности» («reasonable certainty»), согласно которому сумма залога должна быть достаточной для обеспечения явки обвиняемого в суд, но

не превращаться в инструмент фактического предварительного наказания. Историко-правовой анализ показывает, что данная конституционная гарантия была направлена на предотвращение злоупотреблений, характерных для английской правовой системы колониального периода, когда непомерно высокие залоги использовались как средство политического давления и ограничения свободы.

Современная доктрина уголовного процесса рассматривает механизм определения размера залога как важный элемент системы сдержек и противовесов, призванный обеспечить баланс между интересами правосудия (необходимостью гарантировать участие обвиняемого в судебном разбирательстве) и защитой фундаментальных прав личности (презумпцией невиновности и правом на свободу до вынесения приговора). При этом особую актуальность приобретает вопрос разработки четких методических рекомендаций по расчету залога, которые позволили бы минимизировать субъективизм при принятии соответствующих судебных решений, сохраняя при этом необходимую гибкость для учета индивидуальных обстоятельств каждого конкретного случая.

Данная поправка служит гарантией прав граждан, защищая их от чрезмерных финансовых требований, которые могли бы стать препятствием для получения справедливого судебного разбирательства. Таким образом, суды обязаны находить баланс между необходимостью обеспечения общественной безопасности и правом обвиняемого на разумное и справедливое обращение в процессе уголовного судопроизводства.

В результате, сумма залога должна быть адекватной и соответствовать конкретным обстоятельствам дела, а также учитывать индивидуальные характеристики обвиняемого. Это позволяет избежать ситуации, когда финансовые условия становятся непреодолимым барьером для освобождения, тем самым обеспечивая более справедливый и гуманистический подход к уголовному правосудию.

Как отмечают исследователи, «в случаях невыполнения возложенных на обвиняемого обязательств, последний может быть арестован, а внесенная сумма конфискуется решением суда.

Основными видами залога (или гарантий) в данной модели судопроизводства являются:

- личная гарантия освобождаемого;
- собственно денежный залог, который возвращается при благоприятных для обвиняемого условиях или же взыскивается при нарушении взятых обвиняемым обязательств;
- гарантии (поручительство) третьих лиц, которые обязуются выплачивать установленную залогом сумму в случае нарушения условий освобождения;
- банковские гарантии (в качестве поручителя выступает банк)
- иные гарантии. Предполагается, что суд или уполномоченный офицер полиции сами решают вопрос об определении предмета залога. Чаще всего это бывает дом или земельный участок» [26, с. 160].

На начальном этапе процесса освобождения под залог условия, при которых обвиняемый может быть отпущен на свободу, определяются полицейским офицером. Этот шаг включает в себя оценку обстоятельств дела и принятие решения о том, какие условия должны быть соблюдены для обеспечения надлежащего контроля за поведением обвиняемого. Однако стоит отметить, что в некоторых случаях вопрос о залоге и связанных с ним условиях может быть передан на рассмотрение судьи.

Так, судья может вмешаться и принять окончательное решение о том, какие условия освобождения под залог будут наиболее уместными и справедливыми. Это может происходить в тех случаях, когда имеются сомнения относительно риска побега или угрозы для общественной безопасности. В таких ситуациях судья, обладая большим опытом и

полномочиями, может установить более строгие или специфические условия, которые будут соответствовать уникальным обстоятельствам дела.

Когда судья принимает решение о размере залога, он обязан учитывать множество факторов, которые могут повлиять на конечный результат, что может включать в себя такие аспекты, как финансовое положение обвиняемого, его связь с местом проживания, а также вероятность того, что он может скрыться от правосудия.

Так, по мнению исследователей, «в США процесс принятия решения о залоге требует учета целого ряда обстоятельств:

- общественная опасность преступления;
- доказательная база стороны обвинения;
- наличие прежних судимостей;
- материальное положение обвиняемого;
- возможности выполнения условий освобождения и залога» [26, с. 160].

Инкорпорация института залога в уголовно-процессуальное законодательство государств-участников Содружества Независимых Государств представляет собой результат целенаправленной рецепции правовых норм, отражающей процессы модернизации национальных правовых систем в постсоветский период. Данный процесс следует рассматривать в контексте глобальной тенденции гармонизации уголовно-процессуального регулирования, направленной на имплементацию международных стандартов в области защиты прав человека, в частности принципов, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

Анализ законодательных реформ в странах СНГ демонстрирует сознательное заимствование элементов англосаксонской (преимущественно американской) и континентальной (в частности французской) моделей регулирования залога как меры пресечения, адаптированных к особенностям

правовых традиций постсоветского пространства. Этот процесс сопровождался критическим осмыслением зарубежного опыта и его селективной трансформацией с учетом специфики национальных правовых культур, что привело к созданию оригинальных правовых конструкций, сочетающих элементы различных правовых семей.

Юридическая компаративистика позволяет утверждать, что введение института залога в уголовный процесс стран СНГ было обусловлено не только стремлением к либерализации мер процессуального принуждения, но и необходимостью создания эффективного механизма, альтернативного заключению под стражу, что соответствует современным тенденциям гуманизации уголовного правосудия. При этом степень рецепции и адаптации зарубежных правовых моделей варьировалась в зависимости от глубины проводимых в каждой стране судебных реформ и степени приверженности международным стандартам в сфере прав человека.

Как отмечает М.Г. Шевелев, «в Республике Казахстан денежные средства вносятся на депозит суда; цель залога выражается в обеспечении обязанностей по явке (вызову) к лицу, осуществляющему досудебное расследование, к прокурору или в суд; денежные средства, движимое и недвижимое имущество могут выступать в качестве предмета залога. Однако, чтобы имущество было принято в залог, на него должен быть в обязательном порядке наложен арест. Также можно отметить то, что в казахском уголовном судопроизводстве в случае избрания меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, так предусмотрена возможность возложения на подозреваемого (обвиняемого) одной или нескольких дополнительных обязанностей. Следовательно, залог как мера пресечения подразумевает под собой обеспечительную меру ограничений, которые необходимы следствию в отношении подозреваемого (обвиняемого)» [41, с. 232].

В УПК Азербайджанской Республики отмечено, что «залог как мера пресечения состоит во внесении в депозит суда в государственном банке установленной судом денежной суммы (ценных бумаг) или иных ценных

вещей лица, обвиняемого в совершении преступления, не представляющего большой ответственной опасности, или преступления небольшой тяжести, а также тяжкого преступления, совершенного по неосторожности» [22, с. 20]. Таким образом, в основе избрания меры пресечения в Азербайджанской Республике лежит категория преступления и форма вины.

Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования института залога в уголовном процессе государств постсоветского пространства выявляет существенные различия в определении сферы его применения относительно категорий тяжких и особо тяжких преступлений. В соответствии с частью 3 статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики установлен запрет на применение залога исключительно в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, что оставляет возможность его использования по делам о тяжких преступлениях. Более жесткий подход демонстрирует законодатель Республики Таджикистан, который в части 1 статьи 109 УПК РТ распространил данный запрет не только на особо тяжкие, но и на тяжкие преступления, существенно сузив тем самым сферу применения этой меры пресечения.

Наиболее дифференцированная регламентация представлена в статье 124 УПК Республики Беларусь, где законодатель ввел дополнительный квалифицирующий признак, исключающий возможность применения залога - насильственный характер преступного деяния. Согласно данной норме, залог не может быть избран в отношении лиц, обвиняемых в совершении не просто тяжких или особо тяжких преступлений, но именно насильственных преступлений, относящихся к указанным категориям. Такой подход отражает стремление белорусского законодателя найти баланс между необходимостью обеспечения эффективности уголовного преследования и защитой общественной безопасности, учитывая повышенную общественную опасность насильственных преступлений.

Указанные законодательные различия свидетельствуют о различных подходах к определению пределов допустимого ограничения применения залога как альтернативной меры пресечения. Эти различия обусловлены спецификой криминогенной ситуации в каждом из государств, особенностями правоприменительной практики и степенью восприятия международных стандартов в области прав человека. При этом прослеживается общая тенденция к установлению дополнительных ограничений на применение залога по делам о наиболее опасных преступлениях, что соответствует принципу соразмерности мер процессуального принуждения характеру и степени общественной опасности инкриминируемого деяния.

Как отмечают исследователи, «указанное выше положение является прогрессивным, не во всех уголовно-процессуальных законах можно его найти, в особенности это касается законов зарубежных стран с развитой демократией, где, несмотря на тяжесть общественно опасного деяния, состоятельные обвиняемые отпускаются под залог» [22, с. 21].

Проведенное в данной главе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Залог как мера пресечения в отечественном уголовном процессе появился достаточно давно, его законодательное закрепление происходит после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Залогом могло выступать движимое имущество, а сумма залога законодательно не закреплялась и определялась имущественным положением обвиняемого. При этом, размер залога не мог быть менее причиненного преступлением ущерба.

Залог не снискал широкой практики применения ни в советский, ни в постсоветский периоды, так как был недостаточно разработан и законодательно оформлен.

Со вступлением в законную силу УПК РФ залог нашел свое закрепление в ст. 106 УПК РФ, которая конкретизировала порядок его избрания и применения на практике. Однако в целом, суть залога как меры пресечения не изменилась.

Регламентация залога в разных странах не является универсальной и зависит от множества факторов, включая культурные, социальные и правовые аспекты. В законодательстве зарубежных стран залог способствует гуманизации уголовного судопроизводства. В контексте современных стандартов уголовного судопроизводства, основанных на принципах гуманизма и презумпции невиновности, национальное уголовно-процессуальное законодательство должно гарантировать каждому подозреваемому или обвиняемому право на рассмотрение возможности применения альтернативных мер пресечения, не сопряженных с лишением свободы либо освобождением под залог.

Данное право представляет собой важнейшую процессуальную гарантию, вытекающую из фундаментальных положений международного права, в частности ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые предусматривают, что ограничение свободы до судебного решения должно быть исключительной мерой, применяемой лишь при отсутствии разумных альтернатив.

Юридическая природа данного права предполагает обязанность правоприменительных органов в каждом конкретном случае проводить тщательную оценку возможности применения менее репрессивных мер процессуального принуждения, таких как подписка о невыезде, личное поручительство, домашний арест или иные меры, предусмотренные национальным законодательством. При этом решение об избрании меры пресечения должно основываться на принципе пропорциональности, учитывающем степень общественной опасности предполагаемого преступления, личность подозреваемого или обвиняемого, его социальные связи, а также потенциальную возможность продолжения преступной деятельности или воспрепятствования следствию.

Закрепление в национальном законодательстве данного процессуального права соответствует современным тенденциям гуманизации

уголовного судопроизводства и направлено на реализацию конституционных принципов свободы и личной неприкосновенности. Оно создает необходимые правовые предпосылки для минимизации применения заключения под стражу как крайней меры процессуального принуждения, что особенно актуально в свете международных обязательств государств по соблюдению прав человека в уголовном процессе.

При этом эффективная реализация данного права требует разработки четких правовых критериев и процедур оценки целесообразности применения альтернативных мер пресечения, что позволит избежать как избыточного ограничения свободы, так и необоснованного ослабления контроля за лицами, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать в совершении преступлений.

Глава 2 Процессуальная регламентация залога как меры пресечения

2.1 Понятие залога и его содержание

Залог как мера пресечения регулируется целым рядом законодательных нормативных актов – международно-правовых и российских – УПК РФ, ГК РФ, и др. Так, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах [11], ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), «в уголовном процессе каждому обвиняемому, подвергаемому уголовному преследованию, должно гарантироваться право на применение в отношении него меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, в том числе – залога» [8].

Необходимо отметить, что залог как мера пресечения относится к правовым институтам, регулируемым не только уголовно-процессуальным, но и другими отраслями законодательства. Основные (базовые) его параметры как правового института определяются нормами гражданского права, так, в соответствии со ст. 334 ГК РФ, «залог – это способ обеспечения обязательства, в силу которого залогодержатель приобретает право в случае неисполнения обязательства, обеспеченного залогом, получить удовлетворение за счет заложенного имущества» [5]. Должностные лица, используя в уголовном процессе залог в качестве меры пресечения, обязаны учитывать правовые положения ГК РФ, а также ряда федеральных законов, например, Основы законодательства РФ о нотариате [12].

В действующем УПК РФ регламентации залога отведена достаточно обширная – в ст. 106 УПК РФ, в том числе, содержится дефиниция данной меры пресечения: «залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд недвижимого

имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу» [29].

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, залог является сделкой между двумя субъектами: с одной стороны – защитой, и с другой стороны – обвинением или судом. Так, залог оформляется в форме договора и заключается в письменном виде. В содержании договора указываются права, обязанности и ответственность его участников. Ввиду этого можно говорить о двусторонних обязательствах, как со стороны подозреваемого (обвиняемого), так и со стороны правоохранительных органов или органов правосудия.

По мнению исследователей, «в рамках уголовного процесса залогодателем может выступать как подозреваемый, так и обвиняемый, а также любое другое физическое или юридическое лицо. В свою очередь, залогодержателем будет являться орган, осуществляющий предварительное расследование, либо суд. В соответствии с общими принципами гражданского законодательства, такая сделка считается двусторонней независимо от того, кто именно вносит требуемую сумму залога: сам подозреваемый (обвиняемый) или третье лицо, выступающее в качестве залогодателя. Важно отметить, что если залог вносится третьим лицом, будь то физическое или юридическое, то подозреваемый (обвиняемый) не несет ответственности перед этим залогодателем в случае нарушения своих обязательств. Это означает, что риск, связанный с возможным невыполнением процессуальных требований, в данном случае ложится исключительно на самих обвиняемых, а не на тех, кто внес залог от их имени. Кроме того, данная сделка не может считаться трехсторонней, поскольку в ней залогодателем и подозреваемым (обвиняемым) рассматриваются как одна сторона. Это подчеркивает, что, несмотря на участие третьего лица, основное взаимодействие происходит

между залогодателем и органом, принимающим залог, что делает процесс более простым и эффективным» [38, с. 18].

С учетом того, что залог в рамках уголовного процесса устанавливается на договорной основе и основывается на принципах гражданского законодательства, можно выделить несколько общих признаков, которые характеризуют залог как соглашение. Во-первых, важным аспектом является добровольность заключения соглашения. Во-вторых, в формировании залога также играет значительную роль принцип равенства сторон. Каждая из сторон должна понимать свои обязательства и иметь возможность их выполнять. Кроме того, ключевым признаком, который следует учитывать, выступает взаимная ответственность сторон.

Все указанные признаки также присущи и договору залога, основным из которых является добровольность. При избрании залога учитывается мнение и волеизъявления обеих сторон уголовного судопроизводства. Как отмечают исследователи, «в принудительном порядке реализовать залог как меру пресечения не представляется возможным, как, например, это происходит в случае с подпиской о невыезде и надлежащем поведении или заключении под стражу. Поэтому законодатель в ч. 7 и ч. 8 ст. 106 УПК РФ предусмотрел то обстоятельство, согласно которому фактическое действие залога как меры пресечения начинается с момента внесения залогодателем необходимой суммы залога» [26, с. 158].

В этом условии также усматривается добровольность волеизъявления, так как, если подозреваемый (обвиняемый) или иное лицо за него залог в установленные сроки не внесет, то это означает несогласие с применяемой мерой пресечения в части размера или вида залога. Свобода волеизъявления усматривается и при согласии залогодателя с предметом и размером залога, а также с возможным переходом заложенного имущества в собственность государства в случае несоблюдения условий примененной меры пресечения подозреваемым (обвиняемым).

До вынесения органом предварительного расследования постановления

о ходатайстве перед судом о применении меры пресечения в виде залога, должностное лицо достигает взаимного соглашения со стороной защиты о предмете и сумме залога, о способности и готовности залогодателя осуществить внесение залога, об обязательствах подозреваемого (обвиняемого), о взаимной ответственности залогодателя и залогодержателя. То есть, в момент судебного заседания по указанному поводу, между сторонами защиты и обвинения не существует правовых противоречий, соглашение заключалось на взаимных началах. Поэтому, суд в этом случае осуществляет не функцию правосудия, а лишь нотариальную деятельность, так как только удостоверяет данное соглашение [38, с. 16].

Также, согласно положений ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ, суд вправе возложить на подозреваемого (обвиняемого) обязанность соблюдения запретов, установленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а именно:

- «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно – телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» [29].

В системе процессуальных ограничений, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, наблюдается дифференциация временных параметров действия установленных запретов в зависимости от их функционального назначения.

Проведенный анализ нормативных положений позволяет констатировать, что запретительные предписания, закрепленные в пунктах 2-6 части 6 статьи 105.1 УПК РФ (включая ограничения на посещение определенных мест, контакты с конкретными лицами, отправку и получение почтово-телеграфной корреспонденции, использование средств связи и иные аналогичные ограничения), сохраняют свою юридическую силу на протяжении всего периода действия залога как меры пресечения, прекращая свое действие лишь при изменении или отмене данной меры процессуального принуждения в установленном законом порядке.

В отличие от указанных ограничений, запрет, предусмотренный пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ (касающийся выезда за пределы территории соответствующего муниципального образования), обладает особым временным режимом действия, который определяется судебным решением в соответствии с требованиями частей 9 и 10 данной статьи. Срок действия данного запрета устанавливается судом индивидуально в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств уголовного дела и не может превышать пределов, предусмотренных законом для избранной меры пресечения. Такой дифференцированный подход законодателя к регулированию временных параметров процессуальных ограничений отражает стремление к обеспечению баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности, позволяя одновременно гарантировать достижение целей меры пресечения и минимизировать ограничение конституционных прав граждан.

В соответствии со ст. 106 УПК РФ, «залог может вноситься не только подозреваемым (обвиняемым), но и иными физическими или юридическими лицами» [29]. В данном случае, имеют место лишь доверительные отношения залогодателя с лицом, в отношении которого применяется данная мера пресечения. В случае с юридическим лицом, могут возникать различные схемы мошенничества по отмыванию денег. Поэтому в качестве залогодателя необходимо указывать лишь субъектов уголовного права – физических лиц.

2.2 Основания и условия применения залога как меры пресечения

В системе уголовно-процессуального регулирования институт мер пресечения выполняет важнейшую функциональную роль, заключающуюся в создании правовых механизмов превентивного воздействия на поведение подозреваемого или обвиняемого. Основопологающей целью применения мер пресечения выступает нейтрализация потенциальной возможности совершения новых противоправных деяний, а также предотвращение любых действий, способных создать препятствия для объективного и всестороннего расследования уголовного дела. Природа мер пресечения носит ярко выраженный профилактический характер, поскольку их применение обусловлено не фактом совершенного преступления (что относится к компетенции материального уголовного права), а необходимостью предупреждения возможных процессуальных нарушений в будущем.

Как отмечает в данной связи Т.Л. Прохорова, «залог как мера пресечения вводит ограничение на имущественные права. В связи с этим, избранная мера пресечения должна соответствовать определенным законодателем обстоятельствам. Это позволяет исключить некий произвол со стороны должностных лиц дознания, следствия и суда, которые вопреки законным свободам и интересам граждан могут допустить злоупотребление своими полномочиями в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу с целью повышения процента раскрываемости преступлений» [19, с. 196].

При избрании залога как меры пресечения необходимо руководствоваться ст. 97 УПК РФ, в которой указаны основания для его применения, а именно в случаях, если подозреваемый (обвиняемый):

- «может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;

– может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [29].

Также органы дознания, следствия, суд должны учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ, а именно тяжесть совершенного преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

При выборе меры пресечения для подозреваемого (обвиняемого) особое внимание уделяется состоянию его здоровья, которое рассматривается не только с точки зрения возможности уклонения от дознания, следствия или судебного разбирательства, но и в контексте целесообразности его содержания под стражей. Здоровье подозреваемого может существенно влиять на решение суда о применении меры пресечения. Например, если у подозреваемого имеются серьезные медицинские проблемы, которые могут усугубиться в условиях изоляции, суд может принять решение о назначении более мягкой меры, такой как домашний арест или подписка о невыезде. Это позволяет не только учитывать индивидуальные обстоятельства, касающиеся здоровья обвиняемого, но и защищать его права.

Род занятий также может иметь значение для правильного выбора меры пресечения. Тесные общественные связи подозреваемого (обвиняемого) являются существенным показателем вероятности уклонения с его стороны.

Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее 50000 рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее 500000 рублей.

Исследователи отмечают, что «по делам об особо тяжких преступлениях, таких как убийство, бандитизм, применение залога в качестве меры пресечения не является оправданным, так как подозреваемый (обвиняемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью,

уничтожить следы совершенного преступления либо угрожать свидетелям и потерпевшим» [19, с. 197]. Также, можно дополнить, что страх утратить внесенную сумму залога не будет соответствовать страху возможного вида уголовного наказания.

По мнению В.А. Хомич, «особенностью применения залога в качестве меры процессуального пресечения является то, что тяжесть преступления, которое инкриминируется подозреваемому и обвиняемому, не может служить основанием для отказа использования залога в качестве меры пресечения» [36, с. 43].

Так, согласно приговору суда, «Т. обвинялся в совершении ряда преступлений, включая укрывательство особо тяжких преступлений, которое не было заранее обещано, а также в незаконном приобретении и сбыте официальных документов. Кроме того, ему инкриминировалась организация покушения на убийство Р. вместе с группой лиц по предварительному сговору, а также организация приготовления к убийству Ц. с той же группой лиц. Также Т. обвинялся в незаконном приобретении, хранении, ношении, перевозке и сбыте огнестрельного оружия и боеприпасов. В ходе судебного заседания государственный обвинитель выступил с ходатайством о приостановлении производства по делу в отношении Т. и Б. Это ходатайство было обосновано невозможностью завершения рассмотрения дела без возможности оценки показаний свидетеля С. Сторона защиты согласилась с данным ходатайством, однако адвокат также подал прошение об изменении меры пресечения для Т. на залог. Суд удовлетворил оба ходатайства, отметив, что изменение меры пресечения на залог возможно, учитывая личные характеристики Т., его состояние здоровья и отсутствие угрозы вмешательства в процессуальное производство. Потерпевшие подали кассационную жалобу, в которой просили отменить судебное постановление. Они аргументировали свою позицию тем, что преступления, инкриминируемые Т., представляют собой серьезную угрозу, и поэтому его пребывание на свободе является недопустимым. Судебная коллегия по уголовным делам, рассмотрев жалобу, не нашла

оснований для ее удовлетворения. Суд указал, что мера пресечения для Т. была изменена с учетом всех имеющихся данных о его личности, а также с учетом отсутствия риска воспрепятствования уголовному делу» [6].

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации (например, Определение от 12.07.2018 № 5-УД18-75) выработала критерии оценки уважительности причин неявки, учитывающие такие факторы, как своевременность уведомления о невозможности явки, характер причин отсутствия (болезнь, стихийные бедствия, иные чрезвычайные обстоятельства), а также предшествующее поведение лица в ходе уголовного судопроизводства. При этом однократная неявка, как правило, не рассматривается как достаточное основание для изменения меры пресечения, если лицо впоследствии предоставляет убедительные объяснения своего отсутствия. Однако систематические нарушения процессуальных обязанностей, особенно сопряженные с иными действиями, препятствующими производству по уголовному делу, расцениваются правоприменителем как свидетельство неэффективности залога как меры пресечения и необходимости применения более строгих мер процессуального принуждения.

Данный подход отражает принцип прогрессивности в применении мер пресечения, согласно которому интенсивность процессуального принуждения должна соответствовать степени сопротивляемости обвиняемого (подозреваемого) целям правосудия. При этом судебные органы при принятии решения о замене залога на заключение под стражу обязаны руководствоваться требованиями статей 97, 99 и 108 УПК РФ, оценивая наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, продолжать преступную деятельность или иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Такая правовая позиция способствует поддержанию баланса между обеспечением эффективности уголовного преследования и защитой конституционных прав личности.

Можно привести следующий пример из практики, в котором «мера пресечения в отношении Б. была изменена с заключения под стражу на залог в размере 200000 рублей. После этого началось судебное разбирательство по делу. Однако Б., будучи должным образом уведомленным о перерыве в судебном заседании, не явился на него. В соответствии с телефонограммой, поступившей из городской больницы, Б. был госпитализирован в наркологическое отделение в состоянии алкогольного опьянения. Суд пришел к обоснованному выводу о том, что отсутствие Б. на судебном заседании было вызвано неуважительной причиной, что привело к срыву процесса. Адвокат, представляющий интересы Б., пытался обосновать уважительность причины неявки, ссылаясь на его нахождение в больнице. Однако такие доводы не были признаны убедительными. Суд отметил, что Б. был уведомлен о необходимости явиться на заседание, но, несмотря на это, не явился и, более того, сам спровоцировал свое состояние, которое стало причиной его госпитализации. С учетом всех вышеизложенных обстоятельств, суд пришел к выводу, что рассмотрение вопроса об изменении меры пресечения для Б. в его отсутствие не противоречит требованиям законодательства» [2].

Проведенное в данной главе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Залог как мера пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения выполняет комплекс значимых функциональных задач, имеющих существенное значение для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. В качестве ключевых функций данного института следует выделить превентивную функцию, направленную на минимизацию вероятности совершения подозреваемым (обвиняемым) новых противоправных деяний, и обеспечительную функцию, призванную предотвратить любые действия, которые могут препятствовать установлению объективной истины по уголовному делу.

Содержательная характеристика данного правового института раскрывается через специфический механизм его реализации, предполагающий передачу имущественного обеспечения. В зависимости от стадии процесса такая передача осуществляется либо органу, осуществляющему предварительное расследование (следователю, дознавателю), либо суду. В качестве предмета залога могут выступать: денежные средства в российской или иностранной валюте, ценности (включая драгоценные металлы и камни), ценные бумаги, допущенные к публичному обращению (акции и облигации), а также объекты недвижимого имущества. При этом законодатель устанавливает строгие требования к характеру и ликвидности имущества, принимаемого в качестве залога, что обеспечивает реальность гарантий, предоставляемых данной мерой пресечения.

Юридическая природа залога как меры пресечения характеризуется сложным составом: с одной стороны, он представляет собой имущественное обеспечение, с другой - выполняет превентивно-ограничительную функцию. Экономический механизм его действия основан на создании материальных стимулов для обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого), включая его обязательную явку по вызовам следственных и судебных органов, а также воздержание от действий, способных препятствовать установлению объективной истины по делу. При этом превентивный потенциал залога реализуется через психологический фактор потенциальной утраты материальных ценностей, что в современных социально-экономических условиях обладает значительным сдерживающим эффектом.

Процессуальный порядок избрания залога регламентирован статьей 108 УПК РФ и предполагает исключительно судебный порядок принятия соответствующего решения, которое может быть вынесено на любой стадии уголовного судопроизводства. Особого внимания заслуживает процедура замены более строгих мер пресечения (заключения под стражу или домашнего ареста) на залог: в данном случае подозреваемый (обвиняемый) продолжает

находиться под стражей или под домашним арестом до момента фактического внесения залогодателем установленной судом суммы на соответствующий депозитный счет суда. Данное процессуальное требование направлено на обеспечение непрерывности контрольного механизма и предотвращение возможных злоупотреблений в период между принятием судебного решения и фактическим предоставлением имущественного обеспечения.

Современная доктрина уголовного процесса рассматривает залог как важный инструмент гуманизации мер процессуального принуждения, позволяющий сочетать эффективность уголовного преследования с минимально необходимым ограничением прав личности. При этом его применение требует тщательного соблюдения принципа соразмерности, предполагающего адекватную оценку стоимости залога тяжести инкриминируемого деяния и имущественному положению обвиняемого (подозреваемого).

Глава 3 Процессуальная регламентация применения залога как меры пресечения

3.1 Порядок избрания залога как меры пресечения

Залог как мера пресечения, регламентированный частью 1 статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обладает универсальным временным параметром применения, допускающим его избрание на любом этапе уголовного судопроизводства - от стадии возбуждения уголовного дела до момента вынесения окончательного судебного решения. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о преобладающей процессуальной традиции, согласно которой данная мера пресечения чаще всего применяется синхронно с процедурой предъявления обвинения, что обусловлено необходимостью установления достаточной совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность подозрения. В таком процессуальном контексте залог сохраняет свою юридическую силу либо на протяжении всего периода предварительного расследования, либо до момента его процессуальной трансформации (изменения на иную меру пресечения) или полной отмены в порядке, предусмотренном главой 13 УПК РФ.

Особого внимания заслуживает институциональный аспект процессуального контроля за изменением или отменой залога, избранного в ходе досудебного производства. В соответствии с системным толкованием положений статьи 110 УПК РФ, залог, установленный по ходатайству следователя (с обязательного согласия руководителя следственного органа) либо дознавателя (с санкции прокурора), может быть подвергнут процессуальной модификации или полной отмене исключительно при наличии согласия указанных должностных лиц. Данная процессуальная конструкция отражает принцип ведомственного контроля в уголовном судопроизводстве и направлена на обеспечение стабильности избранной меры

пресечения, предотвращая ее произвольное изменение без учета позиции органа, осуществляющего уголовное преследование. При этом судебный порядок избрания залога (статья 108 УПК РФ) не исключает последующего ведомственного контроля за его изменением или отменой, что создает сложную систему сдержек и противовесов в механизме применения данной меры процессуального принуждения.

Как отмечает В.А. Стрижков, «деятельность следователя по избранию необходимой меры пресечения по расследуемому уголовному делу зависит от ее вида, что обуславливается процессуальным порядком. Так, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством следователь уполномочен избирать меру пресечения самостоятельно, в части применения мер пресечения в виде подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, а также присмотра за несовершеннолетним обвиняемым. Кроме того, следователь вправе инициировать перед судом процедуру избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста или заключения под стражу» [24, с. 39].

При этом, «учитывая, что в структуре видов мер пресечения существует достаточно большой их выбор, следователю необходимо провести значительную мыслительную работу по анализу всех оснований применения конкретной меры, необходимой при расследовании уголовного дела и в зависимости от их наличия определить меру пресечения. Уголовно-процессуальное законодательство определяет, что в случае самостоятельного избрания следователем меры пресечения он должен вынести постановление, а в случае необходимости судебного санкционирования – возбудить ходатайство перед судом» [24, с. 40].

Важной для процессуального порядка избрания следователем необходимой меры пресечения являются положения ст. 99 УПК РФ, где сформулированы обстоятельства, которые должны учитываться при реализации рассматриваемого направления: «степень тяжести преступления,

различные сведения, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого) – возрастные характеристики, уровень состояния здоровья, занятость в сфере труда, а также иные обстоятельства» [29]. Необходимо отметить, что законодатель не сформулировал исчерпывающий перечень таких обстоятельств, что обеспечило возможность учета различных обстоятельств. Такая конструкция нормы обеспечивает дополнительные гарантии подозреваемому (обвиняемому) при избрании в отношении него мер пресечения.

В соответствии со ст. 100 УПК РФ, «залог как мера пресечения может быть избран в отношении подозреваемого на срок не более 10 суток, а по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 УК РФ, на срок до 45 суток с момента его применения, а если подозреваемый был задержан в порядке ст. 91, ст. 92 УПК РФ, то с момента задержания. Если в указанный срок органами предварительного расследования будет предъявлено обвинение, то действие залога как меры пресечения продлевать или подтверждать не требуется. В этом случае данная мера будет иметь силу до направления уголовного дела прокурором с обвинительным заключением (актом) в суд» [29].

По поступившему уголовному делу суд решает вопрос о целесообразности продления залога как меры пресечения в соответствии с ч. 2 ст. 228 УПК РФ.

Выносить постановление о ходатайстве перед судом о применении залога в качестве меры пресечения вправе как следователь с согласия руководителя следственного органа, так и дознаватель с согласия прокурора. Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление об избрании меры пресечения в виде залога дознавателя, следователя должно быть законным, мотивированным и обоснованным.

В качестве примера рассмотрим постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога, вынесенное следователем, который установил, что И., ранее судимый по п. «а» ч. 3 ст. 158

УК РФ, совершил преступление средней тяжести при следующих обстоятельствах: И., находясь в магазине «Магнит», расположенном по адресу г. Димитровград, ул. Гагарина, д. 18, умышленно, из корыстных побуждений, тайно похитил мобильный телефон Samsung из сумки, находящейся при потерпевшей А., стоимостью 11 300 рублей, тем самым причинив последней значительный материальный ущерб на указанную сумму. Своими умышленными действиями И. совершил преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Как отмечается в данном ходатайстве, «тяжесть совершенного преступления и характеристика личности подозреваемого И. могут свидетельствовать о том, что находясь на свободе, не скроется от предварительного следствия и суда, не будет воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, И. имеет достаточные средства для внесения залога. Предварительным следствием установлено, что И. имеет постоянное место жительства. Также учитывая, что похищенное имущество И. возвратил, свою вину в совершении преступления признает, имеет на иждивении трехлетнего ребенка, по месту работы и постоянного жительства характеризуется положительно» [16].

Как отмечает В.А. Стрижков, «судебное заседание по вопросу применения залога как меры пресечения должно проводиться в условиях равноправия сторон в присутствии подозреваемого (обвиняемого), чтобы он смог объяснить судье свою позицию по размеру залога и по целесообразности избрания в отношении него именно этой меры пресечения. Принцип равноправия сторон усматривается в процессе инициации ходатайства о применении залога, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Только после соблюдения указанных условий принятое решение суда будет законно и обоснованно» [24, с. 41].

Как отмечает В.А. Хомич, «постановление судьи (определение суда) о применении залога должно содержать сведения о преступлении, в котором подозревается (обвиняется) лицо, обоснование такого решения, вид и размер самого залога. Если залог будет вноситься иным физическим (юридическим)

лицом, то к вышеперечисленному добавляется пункт о разъяснении залогодателю сущности подозрения (обвинения), обязательства по данной мере пресечения и последствия их невыполнения» [36, с. 43]. Далее, «если подозреваемый (обвиняемый) не находится под стражей, то он вызывается на судебное заседание для оформления залога. Затем, залогодатель вносит залог соответствующим образом и предоставляет судье квитанцию об оплате, копия которой подшивается в уголовное дело» [36, с. 44].

При принятии залога составляется протокол, который фиксирует все необходимые детали данной процедуры. В процессе оформления залога залогодателю, а также подозреваемому или обвиняемому, предоставляется полная информация о последствиях, которые могут возникнуть в случае нарушения установленных обязательств. В частности, «им разъясняется, что в случае невыполнения условий залога, он будет обращен в доход государства на основании решения суда, в соответствии с ч. 3, 4 и 6 ст. 118 УПК РФ. Кроме того, залогодателю и обвиняемому объясняются сроки, в течение которых суд будет рассматривать вопрос о возможном обращении залога в собственность государства, что включает в себя детальное разъяснение порядка, по которому будет приниматься данное решение, а также возможные этапы судебного разбирательства, связанные с этой процедурой» [24, с. 42].

В качестве примера судебного решения об избрании меры пресечения в виде залога рассмотрим Постановление Димитровградского городского суда Ульяновской области от 19 февраля 2024 г. по делу № 1-53/2024 [14]. Органами предварительного расследования подсудимая К. обвиняется в совершении кражи чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину, с незаконным проникновением в жилище при следующих обстоятельствах: 11.05.2023 г., около 16 час., К. и неустановленное следствием лицо (постановлением от 10.08.2023 г. выделено в отдельное производство), действуя по предварительному сговору направленному на хищение чужого имущества, заранее распределив преступные роли, вошли в подъезд, где К., постучав в

дверь, обратилась к престарелой Потерпевший №1, которой с целью облегчения совершения преступления и незаконного проникновения в жилище, представилась сотрудником газовой службы. После чего, под предлогом необходимости проверки газового оборудования, К. незаконно проникла в указанную квартиру. Находясь в кухне квартиры вместе с Потерпевший №1, К. начала имитировать осмотр газовой плиты, отвлекая внимание престарелой потерпевшей, тем самым не давая ей выйти из кухни и предоставляя возможность неустановленному лицу незаконно проникнуть в квартиру для хищения ценного имущества. В то же время неустановленное лицо, воспользовавшись что за его действиями никто не наблюдает, реализуя совместный с К. преступный умысел, через не запертую на замок входную дверь, незаконно проникло в квартиру потерпевшей, где в жилой комнате из шкафа тайно похитило принадлежащие Потерпевший № 1 денежные средства в сумме 12000 руб., а также из трельяжа тайно похитило ювелирные изделия: золотое кольцо стоимостью 13000 руб., золотой крестик стоимостью 8000 руб., золотую цепочку стоимостью 5000 руб. и серебряный перстень стоимостью 2000 руб. После чего К. и неустановленное лицо с похищенным с места преступления скрылись, распорядившись им по своему усмотрению, причинив потерпевшей значительный материальный ущерб на общую сумму 40000 руб.

В ходе судебного разбирательства адвокатом и подсудимой К. было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору, поскольку подсудимая К. является цыганской национальности, плохо владеет русским языком, следователем не был предоставлен переводчик, тем самым были нарушены ее права на защиту, и об изменении меры пресечения на залог в размере 500000 руб.

Государственный обвинитель не возражает против удовлетворения ходатайства стороны защиты о возврате уголовного дела прокурору, поскольку в ходе следствия были нарушены права К. на защиту. Меру пресечения просит оставить в виде заключения под стражу.

Выслушав стороны, изучив материалы дела, ходатайство стороны защиты подлежит удовлетворению.

В соответствии с ч. 3 ст. 18 УПК РФ документы, подлежащие обязательному вручению обвиняемому, должны быть переведены на его родной язык.

Согласно п. 6, 7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе давать показания на родном языке или языке, которым он владеет и бесплатно пользоваться помощью переводчика. Данное право в отношении обвиняемой К. было нарушено. Реальное участие переводчика в ходе предварительного следствия не было обеспечено. При этом письменного заявления об отказе в праве пользоваться переводчиком К. не писала. Кроме того, в материалах дела отсутствуют сведения о том, что К. был вручен перевод обвинительного заключения.

Суд приходит к выводу, что отсутствие переводчика при допросе в качестве подозреваемой, при предъявлении обвинения и допросе в качестве обвиняемой, а также при выполнении иных процессуальных действий с участием К. и ее защитника привело к ущемлению и нарушению конституционных прав К. на защиту. В связи с этим, суд считает необходимым вернуть уголовное дело прокурору для устранения допущенных нарушений.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 237 УПК РФ, при возвращении дела прокурору, судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемых и при необходимости, продлевает срок содержания обвиняемых под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом требований ст. 109 УПК РФ. При этом необходимо указать конкретный срок, на который продлевается срок содержания под стражей.

Суд, выслушав участников процесса, считает возможным применить в отношении обвиняемой меру пресечения в виде залога в целях обеспечения явки обвиняемой к следователю и суду, предупреждения совершения ею новых преступлений. При этом суд принимает во внимание, что К. обвиняется в совершении умышленного тяжкого преступления против собственности,

положительно характеризуется по месту содержания СИЗО № 1 г. Димитровград, на ее иждивении находятся трое малолетних детей. Данных о том, что обвиняемая может скрыться от следствия и суда, оказать давление на участников уголовного судопроизводства либо воспрепятствовать производству по уголовному делу суду не представлены.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 237 УПК РФ, постановил: уголовное дело по обвинению К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ вернуть прокурору для устранения допущенных нарушений. Изменить обвиняемой К. меру пресечения с заключения под стражу на залог. Определить залог в виде денежной суммы 1000000 (один миллион) рублей. Данная сумма подлежит внесению в Управление Судебного департамента в Ульяновской области по соответствующим реквизитам Управления Судебного департамента в Ульяновской области в срок до 21 февраля 2024 г. Обвиняемую К. содержать под стражей в ФКУ СИЗО №1 УФСИН России по Ульяновской области до внесения залога на депозитный счет Управления Судебного департамента в Ульяновской области в указанной сумме. По уплате залога и представлению квитанции составить соответствующий протокол, копию которого вручить залогодателю.

При невнесении на соответствующий счет Управления Судебного департамента в Ульяновской области указанной суммы залога, меру пресечения К. оставить прежней – заключение под стражу в ФКУ СИЗО № 1 УФСИН России по Ульяновской области, сроком на два месяца – до 18 апреля 2024 г. включительно. По представлению протокола о принятии залога К. подлежит освобождению из ФКУ СИЗО №1 УФСИН России по Ульяновской области, разъяснить залогодателю существо обвинения, в связи с которым избирается данная мера пресечения К., а также связанные с ней обязательства и последствия их невыполнения или нарушения.

Таким образом, процесс принятия залога не только документируется, но и сопровождается разъяснением всех возможных последствий, что позволяет

участникам процесса лучше понимать свои права и обязанности, что, в свою очередь, способствует осознанию ответственности со стороны залогодателя (обвиняемого).

3.2 Процессуальная ответственность за нарушение правоограничений, налагаемых в рамках залога

Сущностью залога является взятое подозреваемым (обвиняемым) обязательство надлежащего поведения под угрозой утраты имущества.

По условиям залога подозреваемый (обвиняемый) обязуется прекратить преступную деятельность и не создавать препятствий для предварительного расследования и судебного производства. Государство в свою очередь гарантирует физическому лицу реализацию права на свободу. Данная сделка подкрепляется размером залога и выступает гарантом соблюдения ее условий. В свою очередь, «сумма залога определяется в соответствии с личностью подозреваемого (обвиняемого) и тяжестью совершенного преступления» [23, с. 32].

Залоговая сделка представляет собой взаимовыгодное соглашение, которое приносит преимущества как для государства, так и для обвиняемого или подозреваемого. В первую очередь, использование залога позволяет государству избежать значительных расходов, связанных с содержанием лица под стражей. Эти расходы включают в себя не только оплату охраны, но и обеспечение питания, а также предоставление необходимых медицинских услуг. Кроме того, когда подозреваемый или обвиняемый лишается свободы и ему назначается мера пресечения в виде заключения под стражу, государство обязано выплачивать компенсацию в случае, если по итогам судебного разбирательства будет вынесен оправдательный приговор. Это создает дополнительные финансовые обязательства для государственных органов, что подчеркивает важность применения менее строгих мер, таких как залог. В свою очередь, для подозреваемого (обвиняемого) сумма залога является

соразмерной платой за свободу на время проведения уголовного процесса.

Немаловажным является и тот момент, что материальная сторона содержания под стражей обеспечивается налогами граждан нашей страны. В данной связи, можно акцентировать внимание на том, в какую значительную сумму выходит лишение свободы подозреваемого (обвиняемого), если предварительное расследование длится длительный период. Далее, продолжительный период времени длится судебное разбирательство по уголовному делу.

В соответствии с ч. 3 ст. 106 УПК РФ залог по преступлениям небольшой и средней тяжести не может составлять менее 50000 рублей. Как отмечают исследователи, «чаще всего к лицам, совершившим преступления такой категории, не применяется мера пресечения в виде заключения под стражу ввиду их минимальной опасности для общества. К ним даже судом редко применяется наказание в виде реального лишения свободы. И учитывая социальное положение таких людей, 50000 рублей для них является практически неподъемной суммой» [13, с. 338].

Для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, сумма более чем приемлема: всего 500 000 рублей. Нередко преступления такой категории совершаются лицами, имеющими высокое положение в преступной иерархии и обладающими достаточным количеством средств, чтобы внести за свою свободу необходимую сумму залога. Также к данным видам преступлений относятся и преступления в экономической сфере. В данной ситуации подозреваемый (обвиняемый) также может обладать нужной суммой для погашения залога. В данной связи необходимо изменить положения уголовно-процессуального законодательства в части минимального размера залога, а именно предоставить суду полномочия по изменению нижнего порога суммы залога в зависимости от социального положения подозреваемого (обвиняемого), от его реального дохода, тем самым внося диспозитивный характер [25, с. 106].

Таким образом, как справедливо отмечают исследователи, «залог

прошел путь от согласия подозреваемого (обвиняемого) на применение такой меры пресечения до субъективного права распоряжения своим имуществом в целях обеспечения свободы на период предварительного расследования. Законодатель в таком случае предоставляет подозреваемому (обвиняемому) возможность на реализацию своего конституционного права» [27, с. 158].

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ залог избирается только на основании судебного решения, так как является наиболее строгой мерой пресечения ввиду ограничения конституционного права собственника свободно распоряжаться своим имуществом путем угрозы принадлежащих залогодателю утрат, поскольку внесенный залог может перейти в собственность государства по судебному решению в связи с ненадлежащим поведением подозреваемого (обвиняемого).

Вместе с тем, по мнению А.А. Аленина и Н.В. Поповой, право на частную собственность, указанное в ст. 35 Конституции РФ [10], в данном случае ограничению не подвергается, так как «имущество не изымается принудительно в пользу государства, как, например, это происходит при наложении ареста на имущество, а на добровольной основе вносится в качестве залога. К тому же, это происходит лишь на определенный промежуток времени (на время осуществления уголовного судопроизводства) и только по судебной легализации» [2, с. 31]. Данные авторы полагают, что «залогодатель может быть лишь ограничен в некоторой степени в удовлетворении свои материальных потребностей. Но залог как мера пресечения не ограничивает конституционное право на свободу передвижения, а лишь обязывает явиться по вызову к следователю, дознавателю или в суд, что является важным моментом для подозреваемого (обвиняемого). Угроза утраты собственности будет выступать гарантией к надлежащему поведению. Для этого сумма залога должна быть значительной для подозреваемого (обвиняемого)» [1, с. 334].

Таким образом, применение этой меры пресечения в качестве альтернативы аресту отвечает и конституционным, и международно-

правовым требованиям о недопустимости ограничения права человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность. Угроза же утраты материальных ценностей способна корректировать поведение обвиняемого в позитивную сторону лучше, чем другая мера пресечения.

3.3 Проблемные аспекты применения залога как меры пресечения и предложения по их решению

В ч. 3 ст. 106 УПК РФ определен размер залога, который избирается судом на основе личности подозреваемого (обвиняемого) и совершенного им преступления. При этом, также учитывается реальная возможность внести необходимую сумму залога.

Для примера рассмотрим Постановление Ульяновского областного суда от 20 июня 2023 г. по делу № 22-920/2023 [18], согласно которого следователем СО МО МВД России «Димитровградский» в отношении гражданина Украины К. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ – по факту незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза материалов, которые могут быть использованы при создании иного вооружения. 12 октября 2022 г. в отношении К. судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу по 8 декабря 2022 г.

Срок содержания под стражей в отношении обвиняемого К. неоднократно продлевался, последний раз постановлением суда области до 7 месяцев 29 суток, т.е. по 8 июня 2023 г.

Следователь, с согласия руководителя следственного органа, обратилась в суд с ходатайством о продлении в отношении обвиняемого К. меры пресечения в виде заключения под стражу, которое обжалуемым постановлением удовлетворено – обвиняемому К. продлен срок содержания под стражей на 1 месяц, всего до 8 месяцев 29 суток, то есть по 8 июля 2023 г.

Апелляционным постановлением Ульяновского областного суда

Постановление районного суда от 6 июня 2023 г. [15], которым обвиняемому К. продлен срок содержания под стражей на 1 месяц, а всего до 8 месяцев 29 суток, то есть по 8 июля 2023 г., изменено на залог в размере 600 000 рублей. После внесения указанной суммы залога на депозитный счет суда К. из – под стражи освободить. В случае невнесения указанной суммы залога на депозитный счет суда оставить срок содержания К. под стражей по 8 июля 2023 г.

Исходя из положений ч. 1 ст. 106 УПК РФ, предметом залога может быть недвижимое имущество, а также движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций. Перечисленные определения содержатся в гражданском и гражданском процессуальном законодательстве. Поэтому исследователями указывается, что «именно гражданское право находится в основе залога. Однако прямой отсылки на гражданско-правовые нормы при реализации залога быть не должно» [46, с. 185].

Согласно п. 1 ст. 336 ГК РФ, «предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом» [5]. Исходя из этого определения, «можно выделить требования, предъявляемые к предмету залога:

- оборотоспособность предмета залога (в уголовном судопроизводстве публичное обращение);
- предметом могут быть не только вещи, но и имущественные права, которые не связаны с личностью» [46, с. 187].

Вместе с тем, в ч. 1 ст. 106 УПК РФ законодатель не указывает понятие недвижимого имущества. В связи с этим обратимся в ГК РФ, а именно к ст. 130 ГК РФ, в которой сказано, что к недвижимому имуществу отнесены земельные

участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты.

Как отмечают исследователи, «при передаче недвижимого имущества, ценностей и ценных бумаг в качестве залога, залогодатель обязан предоставить в орган, у которого в производстве находятся материалы уголовного дела, оригиналы документов, подтверждающих отсутствие ограничений на указанном имуществе и исключительное право собственности на него. При осуществлении залога ценных бумаг залогодатель также обязан предоставить информацию из Единого государственного реестра юридических лиц об эмитенте указанных ценных бумаг, в частности сведения о том, не прекратил ли он свою деятельность и не находится ли на стадии ликвидации» [40, с. 215].

В том случае, если в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации ограничение на данное имущество не подлежит учету или регистрации, залогодатель подтверждает факт отсутствия ограничений на имущество в письменной виде.

Понятие имущества является наиболее общим, которое относится и к вещи, и к имущественным правам. Таким образом, «под имуществом понимаются:

- вещи;
- вещи и имущественные права;
- вещи, имущественные права и обязанности» [46, с. 186].

Отсюда следует, что «денежные средства и ценные бумаги к вещам не относятся, так как имеют самостоятельное определение и закрепление в ст. 140 ГК РФ, но их также можно отнести к имуществу. При этом, необходимо обратить внимание на ст. 129 ГК РФ, в которой установлено определение

обороноспособности имущества. Оборотоспособным признается имущество, которое может свободно отчуждаться от одного лица к другому. Виды имущества, нахождение которого в обороте не допускается или ограничивается, должны быть прямо указаны в законе. Так, исходя из положений земельного законодательства, из оборота изъяты земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности следующими объектами: государственными природными заповедниками и национальными парками, зданиями, строениями и сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, объектами, в соответствии с видами деятельности которых созданы закрытые административно-территориальные образования, и др.» [46, с. 187].

Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации характеризуется принципиальной невозможностью их перехода от одного правообладателя к другому в силу их нематериальной природы, что обусловлено особым характером исключительных прав, установленных частью 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако законодатель предусматривает исключение из данного правила, допуская отчуждение материальных носителей, на которых зафиксированы указанные нематериальные объекты, что не влечет перехода исключительных прав на сами результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Процедура принятия имущества в залог с последующей передачей его на хранение требует обязательного документального оформления в виде письменного протокола, составляемого в соответствии с требованиями гражданского и процессуального законодательства. К указанному протоколу в качестве неотъемлемого приложения прилагается акт приема-передачи предмета залога, который должен соответствовать установленной форме, регламентированной нормативными актами уполномоченных органов исполнительной власти, включая Министерство экономического развития

Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации и Федеральную службу по финансовым рынкам (в зависимости от категории закладываемого имущества). Данные формальные требования направлены на обеспечение доказательственной силы документации и предотвращение возможных злоупотреблений.

После установления залогового обременения на недвижимое имущество и ценные бумаги залогодатель сохраняет ограниченное право пользования предметом залога, реализуемое строго в соответствии с целевым назначением данного имущества. В отношении ценных бумаг осуществление прав залогодателя происходит с учетом специальных положений законодательства Российской Федерации о рынке ценных бумаг. Однако существенным ограничением правомочий залогодателя выступает полный запрет на отчуждение или иные формы распоряжения заложенным имуществом (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом или договором), что обеспечивает сохранность предмета залога как обеспечения исполнения обязательств. Данное ограничение соответствует принципам залогового права, закрепленным в статье 334 Гражданского кодекса Российской Федерации, и направлено на защиту интересов залогодержателя.

Процедура избрания залога в качестве меры пресечения при рассмотрении вопроса о применении заключения под стражу представляет собой сложный процессуальный механизм, требующий особого внимания к соблюдению баланса между интересами правосудия и защитой прав личности. В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [17], при принятии судом решения о замене заключения под стражу на залог в ходе рассмотрения соответствующего ходатайства следственных органов, возникает специфическая правовая ситуация. В данном случае подозреваемый (обвиняемый) продолжает находиться под стражей до момента полного

внесения установленной судом суммы залога на депозитный счет суда, однако срок такого содержания строго ограничен и не может превышать 120 часов с момента фактического задержания лица.

Указанный временной лимит установлен в целях соблюдения конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ) и предотвращения необоснованно длительного ограничения свободы при формальном избрании более мягкой меры пресечения. В случае непоступления залоговых средств в установленный судом срок (который должен находиться в рамках указанного 120-часового периода), судья обязан повторно рассмотреть ходатайство следственных органов о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом оценка необходимости такой меры проводится с учетом всех обстоятельств, включая причины невнесения залога. Данная процессуальная конструкция отражает принцип прогрессивности в применении мер процессуального принуждения и соответствует международным стандартам в области прав человека, предусматривающим, что ограничение свободы до судебного решения должно быть исключительной мерой, применяемой лишь при отсутствии разумных альтернатив. При этом особое значение приобретает требование о немедленном освобождении лица в случае своевременного внесения залога, что обеспечивает реализацию конституционного принципа презумпции невиновности.

Следует оговорить один проблемный аспект рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений. Так, «анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что полномочиями принятия решения о применении меры пресечения по расследуемому уголовному делу обладает следователь, дознаватель или суд. При принятии следователем решения о применении мер пресечения, не связанных с необходимостью судебного санкционирования, в полной мере проявляется его процессуальная самостоятельность. Вместе с тем, при направлении материалов в суд о применении к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде залога,

существует возможность отклонения судом таких ходатайств и избрания иной меры пресечения» [44, с. 218]. По мнению отдельных исследователей, «это ограничивает процессуальную самостоятельность следователя и судьи должны осуществлять лишь проверку законности применения той или иной меры, подтверждая ее своим постановлением» [44, с. 219]. В контексте анализа функциональной роли суда в системе уголовно-процессуальных отношений представляется обоснованной позиция ряда исследователей, согласно которой судебные органы при рассмотрении вопросов, связанных с применением мер пресечения, должны выполнять исключительно контрольные функции. Такой подход предполагает, что суд осуществляет проверку правомерности и обоснованности ходатайства следователя о применении конкретной меры процессуального принуждения, но не должен обладать правом самостоятельной инициативы в избрании мер пресечения, не запрашиваемых сторонами обвинения.

Данная концепция находит свое подтверждение в существующей процессуальной практике производства следственных действий, требующих судебного решения, где суд также выполняет исключительно контрольно-разрешительную функцию. Для законодательного закрепления указанного принципа представляется целесообразным внести соответствующие изменения в статью 29 УПК РФ, регламентирующую полномочия суда. В частности, требуется корректировка пунктов 1 и 2 части 2 указанной статьи, где в настоящее время предусмотрена возможность суда самостоятельно избирать меры пресечения на досудебном производстве, включая такую специфическую меру, как залог. Подобная модернизация уголовно-процессуального законодательства будет способствовать укреплению принципа состязательности сторон и обеспечению баланса между полномочиями участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, отдельные исследователи высказывают мнение о необходимости более детального регламентирования вопросов, связанных с проблематикой судебного санкционирования мер пресечения в виде залога. В

частности, указывается на «необходимость закрепления запрета рассмотрения материалов ходатайств о применении мер пресечения и самого уголовного дела в дальнейшем одним судьей, так как это противоречит принципам уголовного судопроизводства. В связи с этим, предлагается «закреплять полномочия по принятию решений о применении мер пресечения за конкретными судьями, которые будут лишены возможности рассматривать уголовные дела по обвинению лиц, в отношении которых ими были избраны меры пресечения» [46, с. 187].

Однако на практике остаются некоторые спорные моменты, которые необходимо рассмотреть.

Так, затруднительно изыскать достаточные основания для применения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, залога как меры пресечения. В соответствии со ст. 15 УК РФ тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых в УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (пожизненное лишение свободы или смертная казнь).

При определении суммы залога органы предварительного расследования, суд должны учитывать полученную оперативным путем информацию о подозреваемом (обвиняемом), потому что последний может являться участником организованной преступной группы, имеет возможность скрыться от дознания, следствия или суда. Некоторые ученые считают, что применение залога по особо тяжким преступлениям не представляется возможным. Имеет место реальная возможность лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении особо тяжких преступлений продолжить преступную деятельность и скрыться от уголовного преследования.

Открытым остается вопрос, не урегулированный на законодательном

уровне – как быть с суммой залога при переквалификации преступления с небольшой или средней тяжести на тяжкое или особо тяжкое. В таком случае, сумма залога будет не соответствовать совершенному деянию.

Ряд исследователей полагает, что должностное лицо органа предварительного расследования должно внести новое ходатайство в суд, даже если подозреваемый (обвиняемый) не нарушал данную меру пресечения. В случае, «если последний не внесет вновь указанную сумму залога, то в отношении его должна быть рассмотрена возможность избрания более строгой меры пресечения (домашний арест или содержание под стражей) в связи с нарушенной мерой пресечения» [20, с. 121].

Можно отметить, что данной точке зрения противоречит ст. 97 УПК РФ, в которой изложен исчерпывающий перечень оснований для избрания меры пресечения.

Должностное лицо органа предварительного расследования должно самостоятельно принимать решение о размере залога, отталкиваясь от материального положения подозреваемого (обвиняемого) и от того, насколько это имущество будет выступать гарантом надлежащего поведения. Как отмечают исследователи, «основная цель такой меры пресечения состоит в том, чтобы подозреваемый (обвиняемый) являлся к дознавателю, следователю или в суд по вызову. Поэтому сумма залога должна быть соразмерной, чтобы лицо не препятствовало уголовному процессу. К тому же, при определении суммы залога имеется основание учитывать и возможные процессуальные издержки по делу» [40, с. 215].

В системе современного уголовного судопроизводства Российской Федерации институт досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированный главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, представляет собой особую процессуальную форму взаимодействия между стороной обвинения в лице прокурора и подозреваемым (обвиняемым). Данный правовой механизм, основанный на принципах диспозитивности и состязательности сторон, предусматривает возможность достижения

соглашения, содержащего взаимные обязательства сторон, включая положение о возможной трансформации меры процессуального принуждения. В частности, соглашение может включать условие о модификации ранее избранной меры пресечения, выраженной в содержании под стражей (статья 108 УПК РФ), на альтернативную меру в виде залога (статья 106 УПК РФ), что соответствует тенденции гуманизации уголовного процесса и принципу соразмерности ограничения прав личности.

Заключение такого соглашения инициирует сложный механизм процессуальных последствий: прокурор, руководствуясь положениями статьи 317.3 УПК РФ, вносит в суд соответствующее ходатайство, которое подлежит рассмотрению в порядке, установленном статьей 317.7 УПК РФ. При этом судебный контроль за изменением меры пресечения осуществляется с обязательной проверкой соблюдения условий, предусмотренных частью 1 статьи 97 УПК РФ, включая оценку оснований полагать, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от следствия или суда, продолжать преступную деятельность либо препятствовать производству по уголовному делу. Важно отметить, что замена заключения под стражу на залог в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве носит не автоматический, а дискреционный характер, предполагающий всестороннюю оценку судом как степени сотрудничества обвиняемого со следствием, так и эффективности предлагаемой меры пресечения для достижения целей уголовного судопроизводства.

Данный правовой механизм отражает современные тенденции развития уголовного процесса, направленные на внедрение элементов договорных начал в публичное уголовное судопроизводство, что соответствует международной практике дифференциации процессуальных форм (так называемое "сделочное правосудие"). При этом особое значение приобретает обеспечение баланса между стимулированием обвиняемого к сотрудничеству со следствием и сохранением гарантий объективности и законности при рассмотрении уголовного дела, что достигается посредством установления

судебного контроля за исполнением условий соглашения, включая последующий мониторинг соблюдения обязательств, связанных с избранной мерой пресечения.

Законодатель, вводя в уголовный процесс концепцию досудебного сотрудничества, ограничился дополнением УПК РФ главой 40.1, которая в основном определяет порядок заключения таких соглашений. Однако стоит отметить, что подписание досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым и активное выполнение условий этого соглашения должны учитываться при принятии решения о пересмотре оснований для выбора меры пресечения.

В обосновании данной точки зрения рассмотрим кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2022 г. № 81-О22-73. Так, органами предварительного расследования С. обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 (шесть эпизодов), ч. 1 ст. 30, п. п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 234 (три эпизода), ч. 1 ст. 174.1 (пять эпизодов), ч. 4 ст. 174.1 УК РФ.

Согласно судебному решению, «в процессе предварительного следствия в отношении С. была выбрана мера пресечения в виде заключения под стражу. На протяжении всего предварительного следствия и судебного разбирательства сроки ее содержания под стражей неоднократно продлевались. С. подала кассационную жалобу, в которой просит суд рассмотреть возможность изменения меры пресечения на более мягкую, не связанную с изоляцией от общества. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приняла решение об освобождении С. под залог в размере 700 000 рублей., указав, что при принятии решения о продлении срока содержания под стражей С. указанные требования закона не были соблюдены в полной мере. Из материалов дела следует, что С. является несудимой гражданкой, обладающей средним техническим образованием. Она имеет постоянное место жительства, где проживает вместе с престарелой матерью и братом. Подсудимая С. находится под стражей уже более четырех лет. В

постановлении судьи отсутствуют убедительные аргументы, подтверждающие необходимость такого длительного содержания под стражей С. в целях защиты безопасности потерпевших, свидетелей или других лиц, связанных с делом. Также в судебных материалах нет информации о том, что, находясь на свободе, С. могла бы продолжить заниматься преступной деятельностью, сфальсифицировать доказательства, оказать незаконное влияние на свидетелей или вступить с ними в сговор» [7].

Проведенный анализ практики применения мер пресечения в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации позволяет констатировать наличие существенного дисбаланса в использовании предусмотренных статьей 98 УПК РФ процессуальных средств принуждения. Несмотря на то, что законодатель установил исчерпывающий перечень, включающий восемь различных мер пресечения, эмпирические данные правоприменительной деятельности свидетельствуют о доминирующем использовании лишь двух из них - подписки о невыезде (статья 102 УПК РФ) и заключения под стражу (статья 108 УПК РФ). Хотя статистические показатели демонстрируют определенную частоту применения иных мер процессуального принуждения, их количественные параметры остаются несоразмерно низкими по сравнению с указанными основными формами ограничения правового статуса подозреваемых и обвиняемых.

Следует особо подчеркнуть, что достижение подлинной дифференциации в избрании мер пресечения, соответствующей принципам индивидуализации и соразмерности (статья 6 УПК РФ), невозможно без преодоления системных проблем, связанных с правоприменительной практикой. Наиболее показательным в этом отношении является институт залога (статья 106 УПК РФ), реализация которого сталкивается с комплексом нерешенных вопросов методологического и практического характера. К их числу относятся: неопределенность критериев установления размера залога, отсутствие единообразного подхода к оценке имущественного положения обвиняемого, сложности в процедуре обращения взыскания на предмет залога,

а также недостаточная правовая регламентация механизма возврата залоговых средств. Эти проблемные аспекты существенно ограничивают эффективность залога как альтернативной меры пресечения, снижая его потенциал в системе средств процессуального принуждения.

Указанные правоприменительные лакуны требуют глубокого научного осмысления и последующей законодательной коррекции, направленной на создание эффективного механизма реализации всего спектра мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Особую актуальность приобретает разработка четких методических рекомендаций по применению залога, которые позволили бы преодолеть существующий правоприменительный консерватизм и расширить практику использования данной меры пресечения как реальной альтернативы заключению под стражу, что соответствовало бы современным тенденциям гуманизации уголовного судопроизводства и международным стандартам в области защиты прав человека.

Проведенное в данной главе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Залог является достаточно эффективной мерой пресечения, которая основывается на угрозе материальных утрат, а не на угрозе лишения свободы. В данной связи можно предположить, что залог в полной мере может стать альтернативой заключению под стражу.

Дальнейшее развитие рассматриваемой меры пресечения зависит от совершенствования законодательства и больше доступности различных категориям населения нашей страны.

На основе проведенного исследования можно предложить ряд изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят сделать залог как меру пресечения более эффективным:

- в ч. 1 ст. 106 УПК РФ скорректировать цели залога как меры пресечения, а именно изложить в следующем варианте:

«недопущение продолжения обвиняемым (подозреваемым) ранее начатого преступления либо совершения нового»;

- дополнить ст. 106 УПК РФ частью, в соответствии с которой в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда по уголовному делу о преступлении, повлекшим материальный ущерб, внесенный залог может быть взыскан в счет погашения причиненного ущерба. При этом необходимо разъяснить, что такое возмещение не будет относиться к обстоятельству, предусмотренному п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ;
- дополнить ст. 29 УПК РФ полномочиями суда по снижению минимального размера залога в зависимости от социального положения подозреваемого (обвиняемого), его реального дохода;
- с учетом положений ч. 3 ст. 106 УПК РФ внести дополнения в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 в части определения суммы залога, а именно указать на необходимость учитывать оставшиеся денежные средства у залогодателя после внесения залога. Их размер должен быть не менее минимального прожиточного минимума и достаточен для обеспечения лиц, находящихся на иждивении залогодателя.

Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование залога как меры пресечения, проблем практики его применения позволяет сформулировать следующие выводы:

Залог как мера пресечения в уголовном процессе появился достаточно давно. Так, в России после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. залог как мера был законодательно закреплен. В Уставе залог считался самой строгой мерой пресечения после заключения под стражу.

Залог не снискал широкой практики применения ни в советский, ни в постсоветский периоды, так как был недостаточно разработан и законодательно оформлен.

С вступлением в законную силу УПК РФ залог нашел свое закрепление в ст. 106 УПК РФ, которая конкретизировала порядок его избрания и применения на практике. Однако в целом суть залога как меры пресечения не изменилась.

Как показал анализ меры пресечения в виде залога в зарубежных странах, регламентация залога в разных странах не является универсальной и зависит от множества факторов, включая культурные, социальные и правовые аспекты. Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных государств свидетельствует о том, что институт залога выполняет существенную функцию в процессе гуманизации уголовного судопроизводства, выступая важным элементом реализации фундаментальных принципов международного права.

В соответствии с нормативными предписаниями статьи 106 УПК РФ, залог как мера пресечения представляет собой особую процессуальную форму, заключающуюся во внесении или передаче имущественных ценностей подозреваемым (обвиняемым) либо иными физическими или юридическими лицами. На стадии предварительного расследования указанные ценности передаются органу, осуществляющему производство по уголовному делу,

тогда как на судебных стадиях - непосредственно в суд.

Предметом залога могут выступать как движимые, так и недвижимые объекты имущества, включая денежные средства, ценности, а также акции и облигации, допущенные к публичному обращению на территории Российской Федерации.

Основополагающей целью данного института является обеспечение надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого), что проявляется в гарантировании его явки по вызовам следственных и судебных органов, а также в предотвращении совершения новых противоправных деяний.

Процессуальный порядок избрания залога как меры пресечения регламентирован положениями статьи 108 УПК РФ и предполагает исключительно судебный порядок принятия соответствующего решения. Важно отметить, что данная мера пресечения может быть применена на любом этапе уголовного судопроизводства.

Особый правовой режим установлен для случаев замены ранее избранных мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста на залог. В указанной ситуации подозреваемый (обвиняемый) продолжает находиться под стражей или под домашним арестом до момента фактического внесения залогодателем установленной судом суммы на соответствующий счет.

Институт залога в системе мер уголовно-процессуального принуждения выполняет значимые превентивные функции, имеющие существенное значение для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. В качестве ключевых направлений воздействия следует выделить минимизацию вероятности совершения подозреваемым (обвиняемым) новых преступных деяний, а также предотвращение возможных попыток воспрепятствования установлению объективной истины по уголовному делу. Экономико-правовая природа данной меры пресечения создает действенные механизмы обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства, сочетая при этом элементы добровольности и

принуждения.

Нормативная регламентация оснований и условий применения залога, закрепленная в статье 106 УПК РФ, представляет собой достаточно детализированную правовую конструкцию, обеспечивающую формальную определенность данного процессуального института.

Эмпирические исследования судебной практики позволяют выявить устойчивую тенденцию преимущественного применения залога по уголовным делам о преступлениях имущественного характера, что объясняется наличием прямой корреляции между предметом преступного посягательства и имущественной природой данной меры пресечения.

Комплексный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства в части регулирования мер пресечения, подкрепленный изучением правоприменительной практики, свидетельствует о наличии объективной необходимости дальнейшей дифференциации их применения. Такая дифференциация должна основываться на системе критериев, включающих характер и степень общественной опасности инкриминируемого деяния, личность подозреваемого (обвиняемого), его социальные связи и имущественное положение, а также иные значимые обстоятельства, позволяющие прогнозировать его дальнейшее поведение. Реализация принципа дифференцированного подхода к избранию мер пресечения будет способствовать оптимизации баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности, что соответствует современным тенденциям гуманизации уголовного судопроизводства и международным стандартам в области прав человека.

На основе проведенного исследования можно предложить ряд изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, которые позволят сделать залог как меру пресечения более эффективным:

- в ч. 1 ст. 106 УПК РФ скорректировать цели залога как меры пресечения, а именно изложить в следующем варианте:

«недопущение продолжения обвиняемым (подозреваемым) ранее начатого преступления либо совершения нового»;

- дополнить ст. 106 УПК РФ частью, в соответствии с которой в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда по уголовному делу о преступлении, повлекшим материальный ущерб, внесенный залог может быть взыскан в счет погашения причиненного ущерба. При этом необходимо разъяснить, что такое возмещение не будет относиться к обстоятельству, предусмотренному п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ;
- дополнить ст. 29 УПК РФ полномочиями суда по снижению минимального размера залога в зависимости от социального положения подозреваемого (обвиняемого), его реального дохода;
- с учетом положений ч. 3 ст. 106 УПК внести дополнения в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 в части определения суммы залога, а именно указать на необходимость учитывать оставшиеся денежные средства у залогодателя после внесения залога. Их размер должен быть не менее минимального прожиточного минимума и достаточен для обеспечения лиц, находящихся на иждивении залогодателя.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аленин А.А., Попова Н.В. Залог как мера пресечения: теоретические аспекты // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов научно-практической конференции. – Воронеж, 2022. С. 333-335.
2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 июля 2023 г. по делу № 10-14038/2023 // СПС Консультант Плюс.
3. Беляева О.А. История становления и развития залога как меры пресечения в России // Инновационная наука. 2021. № 10. С. 43-47.
4. Воронова В.А. Понятие и сущность залога как меры пресечения на современном этапе // Проблемы защиты прав: история и современность. Научно-практическая конференция. – Санкт-Петербург, 2021. С. 323-326.
5. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями на 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 16 февраля 2023 г. по делу 1-1837/23 // СПС Консультант Плюс.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2022 г. по делу № 81-О22-73 // СПС Консультант Плюс.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
9. Кононенко О.В. История развития залога как меры пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения // Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы научной конференции. – Донецк, 2023. С. 129-132.

10. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.) // СПС Консультант Плюс.

12. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изменениями на 8 августа 2024 г.) // Российская газета. 1993. №16.

13. Попова А.А. Проблемы применения залога как меры пресечения в российском законодательстве // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. Сборник трудов научной конференции. – Курск, 2021. С. 337-340.

14. Постановление Димитровградского городского суда Ульяновской области от 19 февраля 2024 г. по делу № 1-53/2024 // СПС Консультант Плюс.

15. Постановление Димитровградского городского суда Ульяновской области от 6 июня 2023 г. по делу 1-132/2023 // СПС Консультант Плюс.

16. Постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога (уголовное дело № 1183210004000001 МО МВД России «Димитровградский») // Документ опубликован не был.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (с изменениями от 11 июня 2020 г.) // СПС Консультант Плюс.

18. Постановление Ульяновского областного суда от 20 июня 2023 г. по делу № 22-920/2023 // СПС Консультант Плюс.

19. Прохорова Т.Л. Залог как мера процессуального принуждения: основания ее применения // Научный форум: сборник статей научно-практической конференции. – Пенза, 2023. С. 196-198.

20. Разувакина И.И., Колобова А.А. Проблемные аспекты применения залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве Российской

Федерации // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России: сборник материалов научно-практической конференции. – Хабаровск, 2022. С. 120-122.

21. Семелькина П.Д. Залог как мера пресечения // Молодой ученый. 2021. № 15. С. 257 - 260.

22. Симагина Н.А. Мера пресечения в виде залога в зарубежных странах // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 19-21.

23. Стельмах В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 29-34.

24. Стрижков В.А. Особенности избрания меры пресечения в виде залога // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 2. С. 37-42.

25. Тоглохинова Б.Б. Актуальные вопросы применения залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей научно-практической конференции. – Новосибирск, 2022. С. 105-108.

26. Токарева Е.В. Понятие и сущность залога как меры пресечения на современном этапе // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы. Сборник статей научно-практической конференции. – М., 2022. С. 157-160.

27. Турчин В.А. Проблематика залога как меры пресечения // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития. Сборник статей научно-практической конференции. – Уфа, 2023. С. 156-160.

28. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – М. : Норма, 2024. 1008 с.

29. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями на 2 октября 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

30. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.

31. Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 2926.

32. Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 15. Ст. 1756.

33. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6945.

34. Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 8 декабря 2003 г.)» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

35. Хачатуров А.Л. История становления и развития в уголовном судопроизводстве залога как меры пресечения // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 3. С. 163-167.

36. Хомич В.А. Залог в системе мер пресечения в уголовном процессе России: понятие, значение и перспективы применения // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире.

Сборник статей научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 42-46.

37. Цинболенко А.А. Меры пресечения: понятие и основания // Внедрение передового опыта и практическое применение результатов инновационных исследований: сборник статей научно-практической конференции. – М., 2020. С. 177-181.

38. Цыреторов А.И., Анисимов А.Г., Вытовтов А.Е. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: учебное пособие. – Иркутск, 2022. – 72 с.

39. Челбина А.Д. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве // Студенческий форум. 2022. № 20. С. 55-56.

40. Шараева Я.А., Гриценко Т.В., Титов П.М. Об актуальных проблемах избрания меры пресечения в виде залога // Юрист-Правоведь. 2023. № 3. С. 213-220.

41. Швык А.В. Вопросы уголовно-процессуального регулирования меры пресечения в виде залога в зарубежных странах // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы научно-практической конференции. – Иркутск, 2017. С. 229-233.

42. Шевелев М.Г. Понятие и классификация мер пресечения // Актуальные проблемы современного права: сборник материалов научно-практической конференции. – М., 2020. С. 384-389.

43. Шейфер С.А., Вершинина С.И. Применение залога как меры пресечения // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 25-29.

44. Шелест А.Н. Становление залога как меры пресечения и проблемы его применения в современном уголовном судопроизводстве // Modern Science. 2020. № 7. С. 217 - 221.

45. Щерба Т.Л. Залог как мера пресечения: опыт Франции // Второй пермский конгресс ученых-юристов: материалы научно-практической конференции. – Пермь, 2021. С. 221-222.

46. Яковлева А.И. Проблемы избрания и применения меры пресечения в виде залога // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов: сборник статей научно-практической конференции. – Воронеж, 2024. С. 185-188.